

СМЕНА

ИЗДАНИЕ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

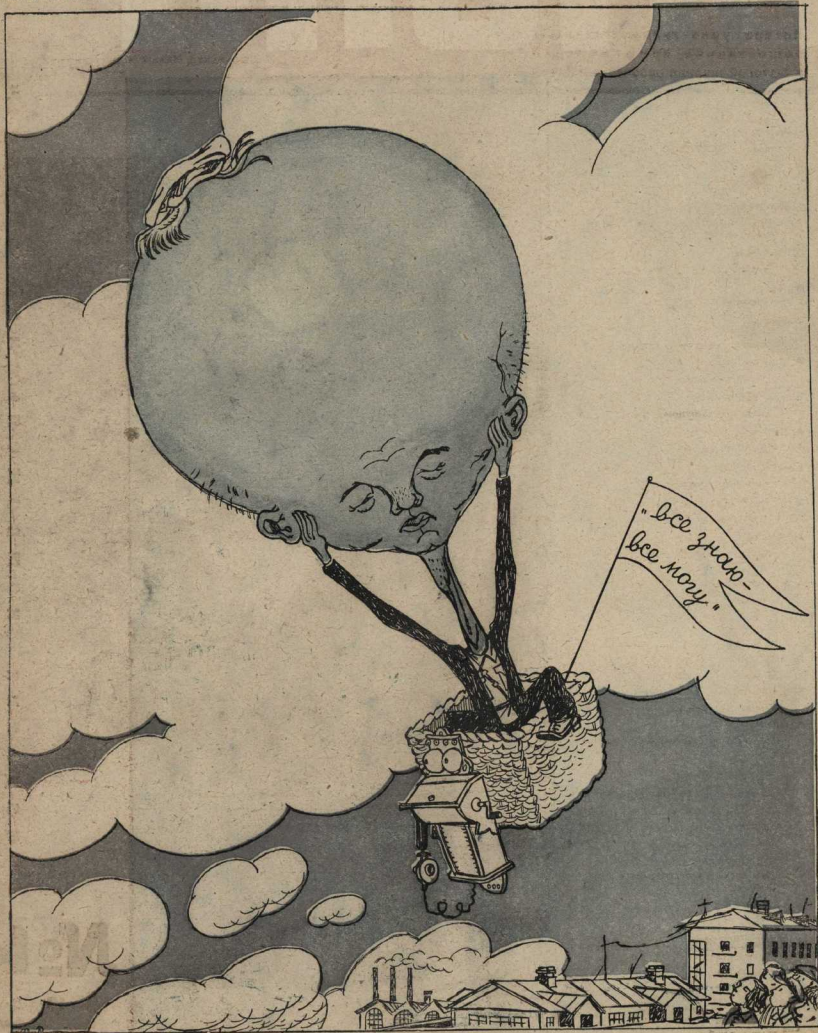
№14

ИЮЛЬ

1932

«Пробыл он шесть месяцев секретелем, до этого никакого опыта руководящей работы не имел, но он уже думает, что для него все возможно в действительный, и способный человек.
Отсюда, зная-таки, рождается всевышка, отсюда рождается зазнайство, рождается «вожак», отсюда рождается безответственность, отсюда — стучит от вассе»

(Из доклада т. Косарева)

Голова легче воздуха

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 3/4
Тел. 48-69

СОДЕРЖАНИЕ

Фото А. С. СУРИХИНА

	Стр.
Статьи:	
А. КОСАРЕВ	
Рабочая молодежь любит и музыку и песни	5
С. НЕМРАД	
Беларусь	15
М. А.	
Берлинге	19
Рассказы и очерки:	
А. Караваева	
Рождение воли	7
В. КОЖЕВНИКОВ	
Вместе с солнцем	10
А. КРОНГАУЗ	
„Необычный герой“	11
Е. ОХМУРЯЕВ	
„Идеальный руководитель“	12
И. СЕРГЕЕВ	
Жемчужные зерна	16
М. КАСВИНОВ	
Возмущающие бациллы медики Гортулова	18
А. КОНДАНОВ	
Гроза	19
Стихи:	
А. ЖИСЛИН	
Богрость—классу	9
ЕГО ЖЕ	
Право на любовь	21
А. СЯЧНО	
Перевод А. Ойслендера Асин- стан	15
Комсомол на фронте стройки	4
В цехах культуры	20
Бытовая консультация	21
С оны комсомола	22
Фотомонтаж	
„За хорошее отношение к ло- шадям“	24

Рисунки:
В. Васильева, Э. Бронина, В. Конова-
лова, В. Медведева.

Фото:
А. Сурихина, В. Иваницкого, Л. Бать
и Союзфото

Она примет участие во всемирной спартакиаде

КОМСОМОЛ НА ФРОНТЕ СТРОЙКИ

Ваку. Нефтеперерабатывающий завод им. Сталина. Комитеты заводского комитета комсомола. Слушают инженера комсомола Донатухина.

«Мы часто недооцениваем свои силы», говорит Донатухин.— А ведь рабочая молодежь на установке «Баджер» не уступает многим опытным работникам. Блестящий пример тому — колоссальный технический рост комсомольцев-вузовцев Агаева и Лугачева. Вот например Лугачев дал массу рационализаторских предложений, которые на первых порах принесли 150-тысячную экономию. Лугачев же написал техническую брошюру «Работа керосиномасляной установкой «Баджер». Я предлагаю послать этих ребят в научно-исследовательский институт».

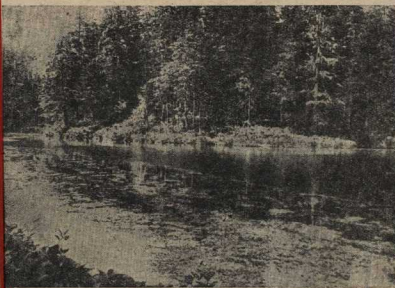
Резолюция лаконично записывалась: «Просить нефтяной научно-исследовательский институт принять в число аспирантов комсомольцев Агаева и Лугачева. При сем предлагается научная и общественная характеристика».

На снимке: за работой «Баджера»

Иркутск — некогда страна с завидными феодальными усадьбами — празднует сейчас свое десятилетие. Страна запустения превращается в страну бесчисленных природных богатств: золота, платины и т. д. В 1932/33 г., в условиях отсталой национальной республики, Иркутск завершает сплошную коллективизацию и добивается сплошной грамотности. В этой борьбе за передовую экономию, за политический рост республики иркутский комсомол добился уже больших успехов. По инициативе комсомола созданы ударные шахты им. Постельева и Косарева. Они, выполняя и переплюнув задания по золотодобыче, впервые загляли красную звезду производственной победы на Алтае. В алтаевской золотой промышленности развиваются высшие формы соревнования — хозрасчетные бригады, вырастающие в массовые ударные. Служба комсомола организовала 68 хозрасчетных бригад.

В ДНИ РАБОТЫ VII ВСЕОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОМСОМОЛА, В ДНИ С ТРИБУНЫ ГОВОРИЛИ О ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЛАХ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА, ГОВОРИЛИ ФАКТАМИ, ГОВОРИЛИ ЯЗЫКОМ ПОБЕДОНОСНО ЗВУЧАЩИХ ЦИФР

Сахалин... На карте — это узенькая, почти затерянная полоска земли. Сахалин, бывший «арестантский», как его называли во времена паризма, остров, предвлял уже с первых дней революции свою путевку в жизнь. Был когда-то здесь Нехов. Он оставил устные записки. Он сменял бы тон своих очерков, если бы заглянул сейчас на остров. И здесь, в этой отдаленной окраине, растет леса строевая, добывается нефть, уголь, развивается рыбное хозяйство.

... В 1928 г. Сахалин насчитывал

100 комсомольцев. Теперь их 4.000. Но больше гордости в другой цифре. В сахалинской организации 100 комсомольцев — представители народности севера. Эти комсомольцы — инициаторы рыболовецких и оленеводческих колхозов. Это они организовали 5 показательных юрт, это они агитируют за чистую юрту, против подлужку, индивидуальную посылу... У форпоста Тихого океана строится социалистическая культура.

На снимке: один из видов острова Сахалина. Озеро в тайге

...Ване Пономареву, комсомольцу-полюку из колхоза «Комбайн», Лежневского района (Урал), поручили уход за 20 лошадьми. Ване удалось было нанести первый и решающий удар по облыбке. В течение месяца лошади, порученные ему Пономареву, стали лучшими колхоза. Как достиг этого Пономарев? Он прежде всего отделил отряд борющихся и слабых лошадей

и поставил их на откорм. Кормление лошадей Пономарев производил 4 раза в день, строго придерживаясь установленных норм. Для каждой лошади подобрана сбруя, в мясных чистю и снетю. Пономарев — один из лучших колхозов колхоза.

На снимке: группа комсомольцев-ударников совхоза Электровоза, лучшие по уходу за лошадьми

На центральном комсомольском участке Тагетского совхоза колхоза илдия поросячьего поноса ежедневно уносила 10—12 голов. Все стало в 648 поросят было под угрозой. Ваня Петров волею судьбы. Комсомольцы пустились в ход сапачику, лактоациллин, мед, жезный коньяк, угли, кирпич.

13-й день этой борьбы был завершен победой. В этот день Ваня Петров с торжеством писал:

«Павших поросят нет. Стадо чувствует себя спокойно. Поросят бодра».

«У нас в стране имеется все, кроме разве каучука, но через год—два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении» (И. Сталин).

... Наша комсомольская бригада вывела 46 тысяч кустов. Вся работа в горах убедила нас в том, что поиски новых зарослей таусгагты — передовой участок фронта классовой борьбы. Нашими проводниками были два брата Желисбеи. Они всеми силами пытались сорвать наши поиски. Началась упорная борьба между нашей поисковой группой, не знающей гор, и проводниками — агентами классового врага.

Нас ввели на обратную сторону от зарослей, вывели в пустынную долину Таусгары. Мы их не узнавали и заставляли поворачиваться в горы. В Тукья-Тубы мы нашли 14 тысяч кустов. Желисбев пытался обмануть нас, уверяя, что кусты старые, и т. д.

...Проводники часто пугали ребят. Говорили о том, что в Киммет-Карову-Джорасы — огромные удары, гоняющие людей цепями. Ребята не обращали внимания на запугивания, обследовали эти места и вышли там сатты.

Бригада оказалась сильнее Желисбеих. Провиски врага были сломаемы нашим упорством, нашедшей волею к победе над горями и проводниками. Мы нашли 46 кустов ретины, которое даст каучук Советской стране.

(Из письма комсомольцев Сергояна, Кидарбекова, Агабаева, Давяева, Хабрузова).

На снимке: редкий экземпляр ценного животного в Сочи

А. КОСАРЕВ

Фото В. Иваницкого

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ ЛЮБИТ и МУЗЫКУ и ПЕСНИ

В нашем театре, кино почти нет комедий. Нет пьес и фильмов, посвященных взрывающимся в быт, посвященным «мелочам» жизни рабочей молодежи, комсомола, взрослого рабочего.

Наши драматурги еще не создали таких произведений (пьес, фильмов), герои которых стали бы ходячими в рабочем быту, имена которых сделались бы нарицательными. Их произведения еще не дают нам таких положительных образов, по которым могли бы развиваться молодой рабочий парель, колхозник, не похвывают и таких отрицательных типов, именем которых на производстве, в быту называют разглагольщика, хулигана, прогульщика.

Тремя положительными удачно поставленными комедиями в широко известном комсомолу «Дружной горке», не создали до сих пор репертуара, отвечающего новым условиям работы, недостаточно борются средствами искусства за оздоровление быта молодежи, улучшение рабочего снажения и т. д.

Со сцены театры, с экрана звукового кино должны азвучать смех, радостный, бодрый, развигив врагов и помогающий нашему социалистическому строительству.

У нас совсем мало настоящей бодрой, веселой, мобилизующей музыки. Правильно составляя и борясь с музыкальной пошлостью, наши композиторы должны создавать такую музыку, в которой сочеталось бы высокое идейное

качество с доходчивостью, которая была бы рассчитана на восприятие ее широкими массами молодежи и взрослых рабочих, который помогал бы доведению их культурного уровня и воспитания.

Наши молодые композиторы—Белый, Коваль и др.—не имеют достаточной музыкальной культуры, нередко выступали в роли «веселых», отулыливая многих композиторов-классиков, не понимая, что благодаря этому они не вошли вперед, а покатились назад.

Рабочему парню, комсомолу смешно было слушать некоторые из произведений таких композиторов, которые приспосабливались к запросам простариата, а по сути дела являлись мелкобуржуазными и по форме и по существу. Значительная доля вины за это лежит и на музыкальных критиках, не сумевших воздействовать на молодых композиторов и содействовать направлению их творчества в нужное русло.

Комсомолу нужно вплотную подойти к вопросу расширения нашей киности, радиоточек, выработки музыкальных инструментов, фотоаппаратур, патефонов, граммофонов, пластинок и т. д. В этом очень большая потребность не только у рабочих, но и у крестьянской молодежи.

Но ни один из комсомольских комитетов не обсуждал вопроса о фотоаппаратах или о музыкальных инструментах, живя рядом с рабо-

чей молодежью, видя ее культурные запросы и нужды. Рабочие ребята рыскают по городу, ищут титару, скрипку, гармон—не находят их, а если и находят, то в пять раз дороже себестоимости. Бегают за фотоаппаратами, за граммопластинками, также нигде не могут найти. Или патефоны, которые портятся еще до из первого завода, а хозяйственники еще имеют смелость выпустить их на рынок.

Я ознакомился с нашей фабрикой граммофонных пластинок—экспати единственной в СССР—около станции Апрельска. Годовая мощность этой фабрики—2 млн. пластинок. Я не говорю уже о дорогостоящих пластинках, о плохом качестве,—обо всем этом достаточно известно. Я хочу сказать о томлятке пластинок. Она крайне ограниченна и примитивна. Платинки очень мало дают приятного для отдыха и для души». Они пикают речами или одними революционными песнями. Как будто мы хуже Музоб'санения знаем революционные песни!

Я пробовал закупать пластинки для красноармейцев на Дальнем Востоке. Но ассортимент таков, что буквально нечего выбирать.

Дайте нам послушать хорошую музыку, хорошую классическую музыку, хорошие старые песни, русские народные песни, хорошие песни различных национальностей. Под словом «старые» и подразумеваем песни эволюционную, музыкальную, красивую, запоминающуюся.

Но этого нет, а если и есть, то очень мало. А вот как закалять металл, о различных производственно-технических процессах и т. п., — такие наставки у нас есть и есть и изобилие, а этого не превеличавно. Но московский комитет ВЛКСМ об этом молчал, а граммола-ствинская фабрика находится у него под боком — под Москвой.

Рабочая молодежь любит и музыку и песни, многие из ребят и взрослых имеют патефон и граммофоны, одни — хорошие, другие — плохие. Многие хотели бы купить их. И это вполне естественно. Надо побольше дерзаний здесь, побольше возмущения и не только возмущения: надо установить наш жесткий контроль над этим производством и рынком. Партия нам здесь поможет.

Истекший сезон со всей остротой поставил вопрос о театральном жанре. Стало совершенно очевидным, что одной из причин той инерционности и штампов в театре, на которые столь справедливо жалуются критики и зрители, является убогость и однообразие жанров. Эти убогость и однообразие, снижая театральную культуру спектакля, вместе с тем в значительной мере ослабляют его политическое и идеологическое воздействие. Одним из наиболее действенных и активно воспитывающих жанров является комедия. Смех — не последнее оружие в арсенале средств театральной пропаганды. Мы всячески подчеркиваем политическое значение комедийного жанра, смеха, потому что у некоторых деятелей театра прочно сложилось совершенно неверное суждение, что политика убивает смех и с ним несомненно и что от смешной комедии нельзя требовать постановки больших проблем. Оттенки подобных мнений можно найти и в высказываниях, напечатанных в сегодняшнем номере нашей газеты. Не нужно забывать, что самые высокие образцы классической комедии, комедии искрящейся и веселой, как правило, были проникнуты политической тен-

денцией. Примеры: Шекспир, Голдони, Гоголь, Мольер, Бомарше.

Однако, говоря о политических тенденциях смешного, комедийного жанра, не следует их понимать слишком узко и однообразие. Стремление к неумеренному революционизированию комедийных жанров (в частности сценария), стремление разрешать комедийные темы обязательно на уровне «высокой» политики зачастую приводит к обратным результатам. Возле не обязательно в комедии, народило, гротеск включать все проблемы втихомолку.

Авторы и критики, скептически относящиеся к жанру комедии и сатиры в наше время, упускают из виду огромное обилие тем и материала, прямо напрашивающихся на комедийные и сатирические разрешения. Разве комедия, «смешной жанр», не может оказаться наиболее действенным средством воспитания личности человека, ликвидации элементов капитализма не только в экономике, но и в сознании людей? У нас мало смеха на театральных подмостках. У нас его почти нет на экранах. Количество смеха, комедийных жанров в наших зрелищах иногда обратно пропорционально всему веселому, бодрому, жизнерадостному течению нашей жизни.

Годы гражданской войны создали известный пуританизм, суровость в наших зрелищах. Однако и в 1918, и 1919, и 1920 годах мы умели сочетать героизм с умиротворяющим смехом вида классовой драмы, над примазавшимся, над всеми «теми» прошлого. Вспомни «юнкса сатиры» Ростя, Тервент, многие передвижные сатирические коллективы и т. д. Тем более теперь, когда выросли наша драматургия, театр, когда мы создали кинопромышленность, мы имеем все возможности для расцвета комедийного жанра. Строители социализма вполне предлагают советскому искусству задачу на занимательные, развлекающие зрелища, на бодрый и жизнерадостный смех.

Но развлекать и смешить — это вовсе не

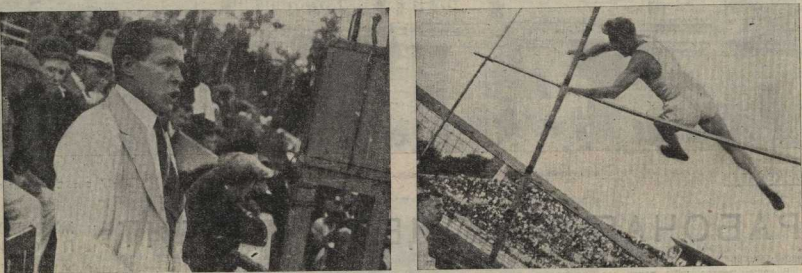
значит идти по пути апокалиптического сабуровского зубоскачества, беспредметного и ничемного. Необходимо только помнить, что в условиях социалистической стройки нет мелких вопросов, вопросов, «не достойных» зрелищного оформления. Любый, казалось бы, мельчайший вопрос, бытовая деталь могут стать важнейшей и актуальнейшей темой для песни и для кинофильма. Беспорно например, что проблема общественного питания — это тема для большой серьезной песни; но также беспорно, что внутри этой проблемы вопрос о поваре и о меню — тема для комедии. Совершенно очевидно, что городское хозяйство — тема не для одного только большого полотна, но и вопрос о безопасности жилищного движения — «деталь», которую не может миновать драматург, особенно комедийный. Таких примеров можно было бы привести великое множество. Все они доказывают только одно: что для комедийных кадров тематической палитрой гораздо шире, чем для других жанров. Комедия, фарс, водеvil, пародия в одинаковой степени могут затрагивать и большие, и малые, и совсем маленькие проблемы.

На сегодняшний день важно привлечь внимание всех творческих работников театра, кино и музыки к созданию разнообразных форм и видов веселого зрелища и музыки. Вопрос о создании комедийных жанров должен стать в повестку дня всех наших творческих организаций.

Значительную роль должна сыграть наша критика, которая до сих пор, к сожалению, не научалась дифференцированному подходу к различным по своим задачам формам и жанрам зрелища, выдвигая например перед комедией или перед сатирой те же требования, которые она выдвигает и в отношении всякой песни. Этому дифференцированному подходу наша критика должна научиться, если она хочет стать действенным фактором в деле создания советских комедийных жанров.

Ф. то А. Сукриха-ин

В ЧЕСТЬ VII ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВЛКСМ

Шизкультурный праздник на Динамо

РОЖДЕНИЕ ОЛИ

Дело происходит в плодородном колхозе, где райкомовцы, влюбившись строительством «социалистической материальной базы» своих садов, забыли о социалистическом воспитании колхозника. Этим бесприморным участком завладевает враг, превращаясь в колхоз кулацкий сям, который навел себя «впередухи культурной революции». Брат так сквасть ведет корабль по своему курсу: сквадательский, инерный, притормажив, недоделочность.

Писатель-коммунист, приехавший из Москвы на председатели колхоза, старому соратнику по гражданской войне, поляя, в чем дело, помогает молодежи осмыслить созданный трудности и найти свое место в их развитии.

Над его вливанием и отставкой комсомольца Володи Наркизова, секретаря ячейки, приближается свисток — происходит рождение воли.

АВТОР

Никитина и Баратов, прыдя с реки, абстали краснорядо до-нельзя Петру и Семену с забитованной головой.

Семен зловавил, что им с Петрой еза людьями некогда сладить.

— Вспомянись мне, товарищ комиссар, наш крейсер в семнадцатом году — оживился Семен — как мы каждый человек на особом счету числили. И ведь не путались, а, Андрей Матвеев?

— Что ж, сложный, а верный бы счет! И как мы тогда спитку посмели — не только как кто сделал, но и о чем думает и как при случае себя поведет.

— А вот Петра Радучев — американец — находит, что у вас совсем кулачок нет.

— Да распустили у нас народ, — опять помирается Семен и замолк, увидя быстро идущего Володю. Тот шел, расправив грудь и плечи. Его лоб и щеки, только что смоченные водой, и зачесанные назад волосы блестили от чистоты. К обещанному разговору он приотворился, как к некоему рубящу своей жизни.

— Вопросы мои к вам, Андрей Матвеев, я должен буду задавать уже сейчас, так как сегодня мы вроде как бы посорились с товарищем Шналевым... и он отказал мне от образования.

— Вот как? Что же теперь делать?

Володя встретился взглядом с карими смеющимися глазами пожилого человека, а улыбку его умного подожженного рта осмелился крайнею нахмушкой над его гудящей речью и орбело спросил:

— Да... и с чего ж теперь начинать?

— Правильный вопрос, товарищ Наркизов. Жить только, что обира-о-о-о-о-о, от которого тебя отлучили, привело тебя только к этому вопросу. И как вообще понять, Семен Петрович, тактику нашего «заведующего культурной революцией» Подубайчик, по его шипу человек не знает, с чего начать? А? Как тебе это покажется? Тебе же, товарищ Наркизов, совету начать с истории и труда.

— Почему вот его — выхрем пронеслась испуганная мысль в голове Володи. — Начать с истории и труда. За что тут ухаживать? От этой режарой сменш чувства у Володи аспелотало лоб.

— Мы тут, Андрей Матвеев, извините, отстали — так я что-то не пойму.

Никитина взглянул в его большие глаза, искривившиеся испугом и жалким любопытством и ощутив в себе уже давно не испытанный острый трепет пропагандиста — взрашателя сознания.

— Ах ты, герой мой, герой, — сказал он, озабоченно шутя. — Послушай вот, как идет война жизни.

Никитина начал с самого рассвета, не делясь про первые солнечные растеки по еще сырой после ночи траве, про особенную пропитательную прохладу от реки, что бывает только в эту пору, не забывая про глitchи перекрестки и перекладины в сляках и в каждом дворе, про хлопотливые ступи открывающихся настречу утра дверей, окон и ворот, про распыление, как тогда на поляне, восклицания и разговоров и вторичные им мявчанье, рыванье, бляенье, про первый спозарнок и боевой, как, труба, грохот телеги, чью-то песню, радующуюся привычному и каждала ва новово пробуждения и вступлению в день, в работу, в мир.

— Это целая инструментовка симфонии на тему: природа, человек, труд, — негромко сказал Баратов.

— Ты угадай, — сказал Никитина и глазами похвально его. — Это делая я, товарищ Нар-

— Это наша воля вспомнить, когда хотим, — вспыхнула Володя

кизов, для того, чтобы показать тебе, что над любым таким утром вы, молодежь, еще не властны.

Володя все не понимал, к чему он клонит речь, но доверие, которым дарил его, и так необыкновенно рассказывая (всего, для него все) каждодневную и, как он думал, серая их жизнь, все это поднимало его в собственном мнении и сообщало уверенность, что окончательный вывод от, Володи, хорошо поймет.

— Выходит, утро такое жам ни к чему, — несмело сказал Володя.

— Именно так, — одобрил Никитина. — Утро прежде всего вам, молодежи, не помогает, не побуждает вас работать, как вы это могли бы. Отчего? Оттого, что утром стын распрояржается бесконтрольно ваш самерианец.

И отсюда начинался для Володи уже совсем позитивный дела.

Люди от нестидности до двадцати двух-трех лет изо дня в день позволяют распроя-

жаться собой, как будто некоторые из них не комсомольцы, а до сих пор еще бесшашные мальчишки, сосунше собственный валец. Как бесшашное стадо, под властным окриком «американца», они идут на работу, тоскуя и проклиная художесный его тенорик и неразуконную, кривую папку, они «выполняют его обязательства все» вкручивая «американца». Всем им неведомо, что для молодых и сильных людей такая работа позорна. Кроме того они-таки по разуму еще малолетние — со всей той беспечностью и безинтересностью в своей судьбе, которыми отличаются все малолетки. Бедные несмысленники! Им и неведомо, что за какие-нибудь сотни вестт такие же вонюхи и дурачки из уларных бригад выхолдит их замечем на работу.

Володя анул:

— Со знаменем! Да ведь его же можно только в праздник брать.

— «Американец» не даст!

— Определенно не даст. Он его даже запрет, да и от частого употребления он выцветает, ржест, а ржесту, говорит, сами понимаете, далеко до красного.

— Ах вы... коммунистическое иновество. У себя ни в ячейке ни в бригаде вы не хозяева.

— Трудно теперь по-другому поверить, Андрей Матвеев. Ребята хоть и ругаются, а к такому способу уже привыкли.

— Да разуд в них протест, разудил волю и мысль. Ты думашь, что ты как секретарь только покривлять должен? А?

— Г-г, что вы. Конечно я должен... будить мысль и волю.

И тут Володя начал, что сказал очень правные слова, что надавал этому тробательному человеку с мягким голосом и упрямым гром такти обещаний, как никому и никогда.

Никитина рассказывал о комсомольских бригадах на новостройках, а Володя, слушая, представил себе, как комсомольские секретари будят и мысль и волю. Он уже точно слышал свой уверенный голос, подбадривающий таких же, как он, несмыслен и отсталых ребят. С какой надеждой они смотрели на него!

Вот-то Никитина сподобился, что он, что писал Лени о социалистическом сознании, Володя, как скраженая, отменил ее самшю:

— Нет, не читал.

— А что Ленина читал?

— Про его жизнь. В каталере. Так. Поэтому, зачем вам тут понаблялись уларные бригады и как они родились, ты и не знаешь?

— Что от этого должна быть польза — понимаю. А про «зачем» и «как» мы вообще не задумывались.

— Значит, я не зря советоваю тебе к вопросам труда присоединить историю... Семен Петрович, а Семен Петрович!

Семен, обсаев от равн, вздрема у стены.

— Семен! — крикнул опять Никитина, этот отныне самый для Володи приятельный в мире человек.

— Семен Петрович! Вот тут молодой человек пробуждается, как вы это могли бы.

— Что-о? — испугался Семен, — где история? — Не «где», а у вас все молодые люди не знают историю, а ты благодушествов... А не Семен! — крикнул опять Никитина, этот семнадцатом году?

— Какую речь, товарищ комиссар?

— Проснись. Твою речь о том, почему ты повел себя так некрасиво и безразлично.

Помысли Андрей Матвеев, до того ли тут об урожае заботы ододеки.

— Повтори свою речь на крестере, Семен Петрович. Никакой урожай не дает тебе права забыть о ней.

Семен начал всхлипать, но потом разошелся. Копил он, когда уже зазеленело небо на востоке.

Едва он встал, как Володя встал перед ним и, товою зыбюи о разное лет, сжал его плечи молодыми неспкими пальцами:

— И-также дела ты про себя держал? И ты смея, у тебя духу хватало молчать про это?

На другой день за ужином Володя объявил о комсомольском собрании. Известие это было встречено с вниам удалением.

Он сталво подумал:

«Что значат, примачки-то нет?»

Он первым пришел на несущую площадку перед «коптеркой», с лесной болыною отворнуа более знакомой всем пригород. Стоя эи художонико столком, он напряженно следил за товоик и редкой петчонкой человеческой фигуре, несущемо идущих к площадке.

— Скорей вы, скорей!— внутренние киии, шептал одини губами.

Многие конечно не зияились.

— Где они?

— Купаться ушли.

— Нет, виаих резать для дудок.

— Не беда,— сказал Володя с ибрежной уверенностью, образованней его самою.

Мы для таких специально собрание устрои.

Товарищи! Повестка дня у нас сегодня: во-первых, о нас как об ударниках, во-вторых, вечер воспоминаний — часть историческая, и, в-третьих, как же должны работать наши ударные бригады.

По первом вопросу Володя выступила сокрушительно. Он прежде всего объявил, что ни одного «вистощего» ударника среди молодежи нет. До того довели эго позорное положение, что даже он, секретарь, поддался «мудниашии настроениям».

— А почему нам надо работать,— закончил он звенящими и упругими голосом,— потому это надо, докажет вам вечер воспоминаний.

— Это надо особо устроить, вечер-то! — сказал чей-то сомневающийся голос. — А то все вместе, не пошлешь.

— Это наша воля вспоминать, когда хотим,— испыхнул Володя. — Может как раз побольше надо нам вспоминать. Не все так помнят, как ты. «Что это я вичу», спохватился про себя Володя и сказал спокойнее и проще.

— На конференциии же ругали всех, кто работает, как говорится, по шаблону. И мы не будем работать по шаблону. Поэтому слова даю товарищу Коорому. Он нам расскажет а основном то же самое, что говорил у себя на крестере в семидесятилетом году.

Семен вышел к столу. Из-под забитонного аба гавая его казалась особенно блестящими и зоркими.

В первом ряду Семен увидел сына. Васенька сидел у Лизы на коленях, свесив маленькие загорелые ноги. Его широкие черные брови, почти сходься у переносицы, поседелись, как два бестоконных пушистых крыла. Глаза его любовно и зорко блестили — казалось, он ждал от отца захватывающе востоний игры.

«Наверно оишь за орехами лезит — подумал Семен, взглянув на сажие царягины на детских икрах.— Неумейный какой, сорванец. Да ведь и оди он весь день, без присмотра».

Семен исподлобья охватил крепкую фигуру сына тайными любовными взглядами и повернул речь в неожиданную сторону.

— Дорожку эту видите?»

— Видим! — ответила дружный хор.

— Я по ней купаться бегаю! — прокричал Васенька.

— Верно, сынок. А вот я тут однажды в девятилет четвертом году, когда мне десять лет было, я по этой тропке от чужой бабушки спаслся.

Перед Володей как бы оишь возникла инкоррестая старушка в петроне шали, барыня — помещица Буслаева. В восемидесятом году в дель национализации ее имени помещица Буслаева умерла, но Володе все казалось, что она еще жива, шуршит шелковым платком и таится где-то, как палеень.

Не вымучая из шпылячьих сухих ручек петочки, в которой бежала, тизкая, белая поджарая сабаченка, помещица Буслаева гналась за десятилетним Сенькой. Он бежал к оеиной, вдушеишей от веполога реке, отчаянно мечтая скрыться под ее черной лесной шкурой, потому что за барыней Буслаевой топил яввоа солдат. «Попиите его, он вора освобождает!»

Да Сенька, подобрав ключ к замку арестантской, выпустиа на волю, избитого стряпчаника человека, о котором узнал от отца, что избитый человек хотел да крестьян бороться жизни».

В воду Сенька, действительно, бросился и выплыл неподвижно за стогам, забился в сено, выд до вечера, стуча зубами от холода и безсходной жалости к себе, к неизвестному избитому человеку и к тому, что совершилось наверху. Когда злтых конвейи топот, Семен тихо выскочил наверх. В старой беедке над обрывом сидела его однокласс, бабушкин внук.

— А Ты что, не утонул? — закричал он, тараше пытые, как стеклянные бусы, голубые глаза. — Вот офицеру телеграмму пошлю, он на тебя кандалы наденет.

А Сеньки уже и след простыл.

Прошло немало дней, пока он перестал странничать офицера. Босое показаться на улицу, он страдальчески возился на полатях, а на ночь даже закрывал в печь.

Летом семидесятиго года Семен матросом-болыничем приехал в отпуск и первым подлесил завлаение крестьян, что они более «аренды не платяткиии». Барыня случила косяком и грозила вызвать внука. И в девят-

— Дорожку эту видите?

Видим! — ответил дружный хор

надлатом прискакал и он, казавший есау, со своими домиками, и казавшие лампасы завели по всей деревне, как вскрытые яны. Бабулин дух—наследия—сидел под окном экономии, вынесенной колхозной конторы, и курил длиннейший чубук, смотря, как безобразничали его домики.

— Погодите, мерзавцы!— кричал он деревенским.— Еще вернусь! Всех вас, поганых, понимаю со своей землей!

Вернуться ему не пришлось. Но Волода чудился, что стена позади него все еще отдает странным теплом пыльного тела доисторического есаула. С дрожью гадела Волода и на осеннюю траву и ему казалось, что она уявила с тех пор, как смотрел на нее страшные остеклято-голубые глаза пыльного наследника.

— А где он, есау этот?— прервала Семена Костя. Его остроносенное лицо выражало жажду.

— Есауа, как сказывали, в Париже.

— Так что не скоро сюда доскачет?— допрашивал Костя.

— Ну, если на самолете, так пролетит меньше суток.

— Вот как!— изумился Костя.— А с чего есау полетит к нам, есай наши его давно прогнали?

— А как нам воевать придется?— поддразнил Семен.— Ихнего брата, есауауд да графья, так хватит. Сладкой жизни на наших спинах не забыли, и в случае чего из атланта вот Парижа на конях да на самолетах принесутся сюда наши глотки резать.

— А мы не пустим!— вылезавшие крикнул Костя и даже топнул.— Ну-ка, суешься он к нам. Мы ему пропием!

В его окружавших глазах Волода увидел схожую с его собственной колючу, бурю вихревых мыслей.

Город Париж оказывается мог висть ближайшее отношение к яблоневому саду, как соседская изгородь. Тренил листья на старых яблонях, кусты, стволы и ветви на ветром, глухое шуршание теней среди скопеленной зелени, зыбкая воронка песку, поднятая ветром с дорожки, летящее, как парусник, белое облако на вечерней розовой небу,— здесь этот какждопынный привычный мир вдруг оказался движным, меняющимся на глазах. Он устремлялся вперед, вслед за ветром, жила широко и шумно и утром и ночью о вихревых слютах есауа, топавших эти тропки и тропы. Костя Швайн, которого он, Волода, за последнее время считал пустым и глупым человеком, сумел разнаться по-боявому. А как мало они, молодые, знали своего председателя! С мальчишек заметил его враги, и он их,— и не раз они сходившие лицом к лицу. Он ощущал злоновое дыхание их ненависти и видел в их глазах беспорочную судьбу, которую готовили они для него и всех других, ему подобных. Есауа приказал домцам растереть Семена Кюврина где-то вот тут же, возле экономии, может вот у этого дерева? Он стоял со связанными руками, его стиснутые зубы светились в вечерней полумгле, как полоса расплавленной стали, длинные ленты его матерской бескомарки вились и развевались по ветру.

Крестыне с зубьями и косами отняли его у дощев.

И они, молодые, как и другие, догустили, что такого человека бил грубиян Корвей, дедушкин «бородат», которого все обегает из-за его дикого вранья и пудовых кулаков.

Когда Семен, отчаянно сказал, что заставить грубую трущавшее дело его учила партия, Волода стал рядом с ним и с вырывающей зной печалью сказал:

— А мы что заставляем, ребята? Мы ведем себя, как гости-обладалы: попила, поели и ушли, а крошки за нами собачьи подберут. Я вот, секретарь, завилую: довольно нам расти, как трава, ходить на себе чужих, такого, который даже Ленина не читал, разве партии будет уважать? Ясное дело, не будет. Да и я по земле нашей сплываю, как гость, и забыл, что она для нас заблагита, ее такне, как Семен, грубо заставляем.

Он помолчал, передоуму, как бы готовясь поднять большую тяжесть, и потом сказал:

— И я был своим не еще так работа. И мне толкали в спину, так как и я был без

...Премещая Буолаева ггагаль за достилетним Сенькой

Он вперед встрыкнул воловой и выбросил вперед молодые гибкие руки.

— Но мы можем, сила у нас есть! Мы своей волей создадим бригаду, обязуемся работать, как надо... Хотите меня в бригады?

— Хотим!— непроизвольно крикнул Костя, увлеченный необычным видом и речью секретаря. Недавнюю ссору с ним он тут же забыл.

— Хотим!— крикнул он еще раз, торжественно посприрая на других, как самый находчивый.

Кивнув Косте, как старший, понимающий намерение с полуслова, Волода спросил с насильной спокойствием, чтобы не так бросился в глаза заливный его щек: румянец:

— Кто жезает записаться в комсомольскую бригаду?

— У!— сказала негромко Лиза, смотря на него большими преданными глазами.

— Вот здесь,— указал он и посторонился, дав ей место, и впервые с ней, с девушкой, которую деловал в лесу, он обмолвился внимательным и первым взглядом однопятидесяти- и соратника.

А. Л. ЖИСЛИН

БОДРОСТЬ— КЛАССУ

Солнце
Матерью доброй,
Старой
Смотрит за мной:
Свободно ли мне?
Рубашку

Из самого
Лучшего
Загара

Надевает на меня,
Забываясь.

А я,
Вылазившись из шкурки
Брюк
И прочих подробностей туалета,
Проверяю уригустью
Ног и
Рук
Крепость
Бодрого лета.

Тело,
Изверясь в прыжке,
Чуть бросилась

Вниз земля!
В боюх

Врага
Подкинул на штыке,
Как на вилочку—

Себя!
Педалю— в иск—
— И несусь,
Схватив руля
Джужу!

В руки
В ружьи станка
Дольше,
Курчавя
Горячую
Стружку.

Ружа,
Гранату стралмлин,
Свястиями броском
Обраду!

В небесную
Синь
Кричащая радость.
На шельке
В разрез волеи

На качельх
Гребней
Качаюсь...

Каждый мускуа
Орет

Во мне:
Готов
Работать

И драться!
Я знаю
По опыту прошлых
Годин
Откуда
Нам жадть
Врагов
Оглетальм.

Пона ж я,
Воставшего класса
Сын,
Тремирую волю
И тело.

Добную бодрость
И силу мою
Из солнца,
Воды,
Воздуха.

Как скромный дар,
Тебе отдаю:
Мой класс,
Не знающий
Отдыха.

И если
Окончусь
Мирных дней
Колес,
В Слов наш
Войны бросят камень

Мне я,
Плоды
Наших мук и трудов
Храни,
Восстанит
Границы
Штыками!

НЕОБЫЧНЫЙ ГЕРОЙ

У человека расклеванные бессонницей глаза. Он устанавливает стекла в железные рамы на тридцать минут впрок. Он измучивает и обожраивает себе пальцы. Срысывает уруганом, он прибывает себе обжигая. Плавающие искры жгут его тело, но он не обращает на них внимания и работает у мартена. При медле он не раздается и не уходит из цеха. Спит он в конторе на столе не больше двух-трех часов в сутки.

Это — стандарт индустриального героя, созданный психологией. Герой обязательно жертвует здоровьем, рискует жизнью, работает в нечеловеческих условиях. Жертвенность показывается не как превозмозжная необходимость, долг, но как воля в вперед, в систему, а самоцель.

Многие писатели не хотят видеть того, что советские рабочие ставят в особые условия, обезличивающие им возможность героизма, работая. Если рабочий работает на морозе с обожженными руками, — это лишь непосредственный результат преступной халатности заводских организаций, не позаботившихся о рабочих.

Но писатель видит в этом только романтику жертвенности и внешне ее восхваляет. Он делает это даже тогда, когда герой рискует не столько из-за человека, волею революционной целесообразности.

Алексей Новгородцев — герой совсем иного типа — необычный герой.

Алексей Новгородцев пришел на Верхнекамский завод из веселой уральской глухомани. Кровавые обжиги пропали над его детством. Он был молчалив, вежлив, непринят, растовал им пыльных, куачных бокх старателей на Шуваловских золотых приисках, об отце, зарезанном в Тетеревском лесу, об отцовской, разграбленной казаками, искаженной деревне. И не стал насмехаться подросток над осужденным мальком Алексеем Новгородцевым.

Вскоре Алексей привык к проклятому пему. Расклеванные листы перестали казаться ему крыльями сверхчеловеческих чудовищ. Он видел, как люди птажками кукаси ставли на раскаленном зоре наваривательной печи. Стальной огонь вырывался из рук рабочих, но его подбрасывали и вталкивали под вал тяжелого стана.

Тяжелые люди из детства — большие вугляки — учили его бесстрашным делам пожаров. Личные всегда тревожно следовали за ужимм замком керосиновой копирки. А здесь раздували и разворачивали бесстрашные огненные излучения, в медленной ослепляющей перед человеком оном огненно-рыжую толму.

Жизнь Алексея началась там, где начался для него завод. Сложив, обжиг и увлекательная тема передела личной и социалистической романтики, но не она — страдание — тема нашего очерка. Мы пропускаям десяток лет, и

непроборимые перепады вырастают между кровавыми детством Алексея и его юности.

Алексей Новгородцев — ударник бригады прожогого стана. Новые рабочие с божественным любопытством поглядывают на отпавших птиц, что доают от соковы метельки пшимами.

Алексей оглаживает рабочую площадку и людей, крепко раставленных на ней. Он обожраивает

их медленным валадом и уверенно давит нажимательный винт, регулирующий расстояние между валами. С треском отпрыгивают от пламенишних листов и падают в черноту солнечные искры. Нервный огонь вспыхивает в углублении на мочках ладонь. С монотонным стуком прырывают под валами красноватая сутулка 1. Печные еле успевают подовать все новые и новые огненные полотишки.

Десятиклассная передышка, тихий лад разомкнутых клещей, еле удаваемые движения левой руки, запрокинутой под шпату растравленную чуб. И Алексей всем телом, не только руками, отпрыгивает от стояки раскаленного листа. Бригадир заглядывает в печь, громко кричит несколько слов, и печной бросается к регуляторам.

Взгляд бригадира скользит по изгибам ослепленной площадки. Он замечает человека, старательно смазывающего щетки валами, и перестает

*) Сутулка — брусок раскаленной стальной.

Будетные яства были поглочены дождевыми темиами. Красные бутылки, облившиеся типичной пеной, создавали разноречивые внутренности экскурсионтов. С трогательной нежностью к белым брюкам подстелил под себя вездеход Семен Петрович Ищенко, усажившись на пустую ишле. Минуту он молча раздвигалась само-седле колесные усы с солодой железной от табака. Семен Петрович начал говорить медленно, раздельно и тихо.

Глухая жуть законованных в полвековские мундиры голлов встала перед нами. Голла жестила, одетыйяй пластами мышц, сплота Семена Петровича была пронизива глубокими дилловыми полосами.

— Шомполами под Тихоходкой за неподчинение и ослупание — крича рот улыбок, объясняет Семен Петрович.

Потом, оворяни Егоричнюк, Петроску, Гаврилов. Они рассказывали о себе, о далеком от советского бетона и стекла странном глянцевитом заводе, о пыльных воскресеньях.

Подлоо вечером, когда с реки потонуло туманное холодоком, из потемневшей глубины неба вылез обломком луны, экскурсия под предводительством бригадира потонула в ослупу.

брасывается к младшему дубинровнику. Дубинровщик чувствует беспокойство бригадира и бежит к водопроводу: надо охладить стан.

Между делом Алексей успевает сказать каждому посетителю слово, выслушав совет мастера, дать заданные ремонтному мастеру, просмотры, готовые листы.

Бригада Новгородцева побила мировой рекорд проекта трансформаторной стали, дав 246 плавств за смену.

Рабочий день прокатчиков не велик: а часа 48 минут. Алексей отработывает свое время, после этого толкует с ребятами о производственных делах, равномерно распределяет задания, закладывает поговориться в комитет комсомола, иногда остается на собрании или совещании.

Но он не торчит без дела в цехе, не сплетается по законам. За сезон он просмотрел вместе с товарищами все новые кинофильмы. Имеет абонемент в драмтеатр. После рабочего дня он вычлется теплой воллой с мылом, переодевается в чистое белье и пазыне. Ему дали комнату в доме Горюева. Придя домой, он может спокойно отдохнуть и заняться. У него три хороших костюма, он ежедневно читает журналы, баллетистика, два раза в пятнадцать посещает вечерние курсы. Он стал извлекать из человека.

Алексей встретил как-то воле своего дома бывшего товарища по работе.

— По каким все ходишь? — спросил тот без улыбки. — Тебе хорошо по кимам да по акциям, а мы все ссорозвучные отквасом.

Алексей взглядел в лицо человека. Оно отсвечивало железной. Красные змейки кинатооров зинавались по белкам глаза.

— Как же выполняем плана у вас? — спросил Алексей.

— Туго, брат, с плазом. Оттого и дуем в две смены.

Они поговорили еще несколько минут. Алексей внимательно выслушал слова о прогнуживании, о сплетении, о сплетении, о сплетении, о частях простом, о плохом техническом контроле, И сказал.

— Можете оно 6 берней с прогнуживанием да с котловыми пемьями, а не савозорочными да с суботниками убавиться. Горбом только берете!

Алексей рабует очень напряженно. На 4 часа 48 минут в сутки он преиращается в стремительный клубок мускулов и нервов. Он успевае за это время сделать больше, чем Мухомовский, бригадир, за 9 часов. Но запас железной силы, накопленный за девятнадцать часов передышки, условия, созданные для советских рабочих, не дают ему усталости отравить кроль бригадира.

Часы, отдающие юво, смеху, как с печением. Фельетону в газете, делают сталя.

звонкими плетками алдеон, затрели покорно только при вужах судейской спиры. Головные робиты прыгают за воемобельной сеткой, колдующие желтые павы.

Сочно звонили гороховые биты, с одного влзета спирав фигуру. Городли явились доостоянием устакон семейств. В этот иер они не ровняли собой, соизвоили стемпешности, ориентированной вместе с высокими разрадами. Под зеленой прозрачной прохладной темпы бред, дежа на полостанных газетах, валады несостояли пидастыты варады, что-нибудь, растованно нарушал величественную тишину выдвигавшая каюй-нибудь пронизительный мовизик, и глухо и многозначительно говорил: И-ид!

И опить тихо, только ветер слабо и вежно шедесит в вердикон.

В бугфете стоав гвалт, но этот шум происходил не от того, что было много созвонивающих — это у него часто на экскурсиях бывает — нет, это каждый с набитым ротом старался подделиться своим впечатлением вылазки.

На пустах янпках толпоели следом разноцветные бутылки кваса. Тунные донки бутербродов и нежно-зеленые куцы сочного салата со сметаной и пидамы выглядели очень вкусно и приятно.

И вот произошло уже три дня после нашей экскурсии, но разговоры и влздки о ней не стихают, а в расе вступит и ширится.

Обязательно в ближайший выходной esce раз поедем в такую экскурсию. Хорош!

— Ну, конечно! — сказал Кучеров, вопрошательно глядя на покачивающегося на стуле Худова.

Худов с гротомом обринул перелане ножки стула и деловито получая, почесал лабиринт, потом, тряхнув голову, быстро заговорил:

— Слушай, Васяша, ты расписал этик штирты и в мучево будет, а так-быди ты! Квасу, во-первых, не было, воле на речку ходили пить. Потом игры, ты пишешь: «Мич с тугой мячиной ступенного воздуха». Это может и неждло сказано. Но ведь мяча не было — лабиринт. Мисловика тогда звали. Городок был только один табак, а жалающие было много.

— Так я писал не как было, а как должно быть, — отшучив Кучеров.

— Ах, удивился Худов, — как должно быть? Тогда ты мучево упустил.

Кучеров замялся совсем этих слов.

«Что же я упустил?»

«Поможите мне, помогите Кучерову ответить на этот вопрос».

ТКАЧКИ

На позднею и сырым рассвете Релька вскоблена с постели, быстро оделась и, распахнув окно, протянула на улицу губы; они упились в густом белом тумане, ощутив приятную свежесть. Наполняясь бодростью, вбирая ватной грубой жесткой осенней воздухом, девушка быстро отряхнула с себя остатки сонной тлетоты. Точно от прикосновения ее рук, туман дрогнул и закрутился. Если посмотреть на окно издали, то несомненно покажется, что девушка, стоящая в вени, хватается клубок тумана, подлетает к своим губам и радно упиивается его влагой.

Релька—вскрикнула, просыпаясь, ее брат Давидка.

Она поставила стеклянный кувшин с молоком на подоконник и подошла к брату. Давидка сидел на постели и протирал влажным глазом.

— Сегодня двадцать пятое... какой смутный день! Туман, что ли?

— Как ты неспокойно спишь... заболитю взглядываясь в его лицо, сказала Релька.

— Постой, постой, помолчи... Дай мне вспомнить... Ах, вот что. Во мне, Релька, нет темноты, в которой ты укоряешь... Не признаю свои. Но... стою будто бы на своем посту и вижу руки мои шепчущими, седую борозду до плеча, а за спиной прошурная горь... И вот я во сне подумал... И вчера тоже и сейчас впрям так думать: неужели до старости лет сторожем? И не специалист— вот плохо. Ни токарь, ни слесарь, ни ткач я...

— Ты охранишь фабрику; это почетное дело... собираясь уходить, заметила девушка.

— Но я не желаю... вскоблена с постели Давидка, надела свои шапочки и остановилась против сестры.— В сторожах-то всякий может работать, ткачем— надо уметь, учиться надо. А скоро ли научишься? За станком бы мне... за большую мастерскую работу. Ведь ты сама знаешь, я еще молодой. Пусть в сторожах старинки, а на меня уж и девчонки посматривают.

— Кто?— спросила Релька, смеясь.

— Тебе интересно много знать...

— Смотри, Давидка,—погрозила шутя пальцем Релька,—затянет тебя эта самая, как ее...любовь, да так, что и станочки забудешь... Ну, а я пошла на работу.

— Постой,—ухватила ее за рукава Давидка.—Сегодня двадцать пятое. Сегодня вы начинаете... А вдруг у вас ничего не выйдет?

— Ерунда,—ответила Релька.—Сегодня погода на ять, а нам, комсомольцам, вообще ни чорта не страшно. Начинаем.

И хлопнула дверью.

Прохожие внезапно выростали перед Релькой и так же неожиданно исчезли. Беспрепятственно назавтра, медленно проходила мимо травани. Из-под ног выпрыгивали воробьи. Вдоль мостовой с девчонкам вилдом, словно из службы, шагали брачные собаки. Не решаясь в такую муть ехать на велосипедке, граждане вели их, точно собаке на прогулке. Постовой милиционер не в сабах был деловитостью парастающе уличной движке. Рядом невидимый кричал газетчик. Кто-то прокричал из тумана, что на углу съездились автомобили. Кто-то спросил у Рельки название потерянной в такую погоду улички.

— Да это самая и есть Верхняя... Сейчас придет, Егорч,—ответила она человеку, искавшему уличку.

Егорч в широком отсыревшем макентоме быстро шагала вперед, а Релька ела поспевая за ним.

— Обязательств сегодня?—спросил он.

— Обязательно.

— Ну, смотрите, не подкачайте—заметил шаг Егорч.—Если и на этот раз комсомольцы наши выйдут победителями, то авторитет за ними среди рабочих окончательно будет обеспечен.

— У нас, Егорч, все готово, поэтому сомневаться тебе не стоит.

— Посмотри, посмотри... бойтесь позора. Должны выйти, понимаешь? Ну, а расчет так руководств и прочего... чаще к Якову обращайтесь.

В цехе у тринадцатого комплекта Релька увидела Катку Сидорову, которая явилась на фабрику видимо давно, потому что на всех станках лежали варяжные деловые челноки.

— Притоговила?—обратилась к ней Релька.

УЧЕНИЦА ТКАЧНИ

— Своё дело плежно... отослазас Катка.— Конечно сразу за челноки хватятся, а они вот в порядке. А ты как инструктор главы мое начало. А ну-ка глянь. Все равно ошибки не обнаруживш.

Релька пошла между двумя станочными рядами, беря то с левой стороны, то с правой челнок, внимательно осматривала и клала на место. Одни ей не понравились.

— Катка! Плохо ты проверила, а ведь это твои прямая обязанность. Вот челнок, у него расшатан мрам, основу драить будет.

— Да ну?—испугалась Сидорова.—Как же так, я—слепая.

— Отрывай надвигивать, узелки не лопишь,—уже строго говорила Релька.—Я сама виновата. Не годится с таким мисом, смейте его.

Катка заторопилась и вновь осмотрела все челноки. Она была довольна тем, что с этого дня при новом разделении труда ей не придется надвигивать нити, но все же не забывала кропотливой работы над узелками, которую теперь придется выполнять одной Грине Иваненко.

Сходившись остальные уааринши, их было шестеро на двадцать четыре платонских станка.

— Шесть ораци в одном гнезде!—воскликнула Люба.—Эх, да кабы им одной веревки!

К девушкам подошли две работницы. Одна из них—известная всей фабрике товарищ Сергенько, старая большевичка, член областного. Другая—моложе, новая в цехе работница, тоже коммунистка. Она была высокого роста, в одежде ее замечалась удивительная опрятность.

в движениях—легкость и уверенность.

— Это гисало фунационер?—спросила Сергенько, не дожидаясь ответа, повернувшись к Рельке.

— Красна, ты инструктор гнезда?

При повороте у нее сразу сбился на сторону платок. Жесткие, как проволока, с редкой седой волоски пружинящиеся от маленького движения головы, и если бы не толстая железная шпилька, которой был приколот платок,—он обязательно свалился бы с макушки.

— Как дела, инструктор? Сегодня на вас будет смотреть ась фабрика, а готови вы?

Оглядывая Сергенько по очереди девчат и остановила свое внимание на Катке.

— Ты как работашь?

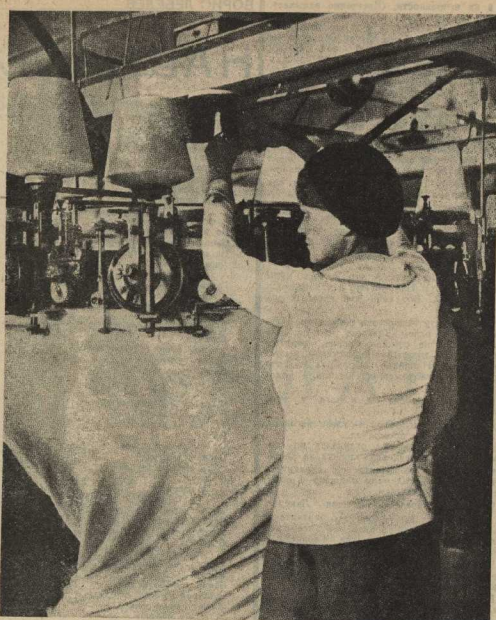
— Заряжалница я?—с гордостью ответила Катка.

— Обязанности знаешь?

— А то как же. Хочешь расскажу?—окинулась Катка.—Мое обязательство простое. Я, можно сказать, и не ткачиха вовсе, да и все теперь не ткачихи.

— Вот что, девчонки,—перевела ее Сергенько.—На зубок надо вам знать каждой свою функцию. Работать, не поря горничку, чтобы все вводи, как ровно да гладко новое дело себя оправдывает. А оно оправдывает, факт, примеры есть с других фабрик. Ну, а все-таки скажи ты, заряжалница, про свои обязанности?

— Да очне просто, я даже не ткачиха. Хотя бы мне меня все двадцать четыре станка зямрут... Без меня не обойдешься, я очень

У новой заграничной машины

полезная функция. — И Катя часто-часто, точно школьник заученные стихи, отвечает: — зарывать челноки буду, несправку их подметать, угар по номерам отделять, а если уж увижу, что овраг получился, подлетайна или тому прочее, то комомет станы—стои.

— И все? — спросила Сергеево.
— Оно как будто и все... да только не все. Ряд челноки всегда будут в моих руках. Я их гоняю до косточки. И главное мое обязательство — научиться на челноках, охорашивать челноки, а коли что в голову взбретет, так и новые челноки придумывать. Я—начальство над твоим делом.

Другая ткачиха сказала девушкам:
— Я перелезла на соседней с вами комплект. Обращайтесь за помощью ко мне. Диффрэд я знаю. Поймишь? А там посмотришь.

Голос ее не громкий, не крикливый, как у некоторых ткачих, и глаза зеленые, засканные. Когда она вслед за Сергеево направилась к соседнему комплекту, то Релька догнала ее и спросила:

— А как вас зовут?
— Анисимова я, Анна.
Что-то знакомое показалося в этих словах Рельке.
— Вы не с Октябрьской фабрики?
— С Октябрьской.

И Релька окончательно вспомнила: эта ткачиха—та самая Анна Анисимова, про которую весной печатали во всех газетах. Бригада Анисимовой тогда получила первую премию от областного комитета. Релька тшью обрадовалась тому, что вот здесь, рядом, станет работать высококвалифицированная передовая работница, предлагающая свою помощь молодежи. Равался гудок. Трансмиссия дрогнула. Ше-

астигнул ремень и послышался голос подмастера Измайлова:

— Обустить семафоры!
И по двум проходам навстречу друг другу выступили Любка Нестерова и Сапшина. Они пускали машины, энергично толкая челноки по земли основ и отгиная бастеядие попериков батына.

Ткацкий цех загрохотал тысячами станков. Выехали в зал с тележками развозчики утка и шаров.

Релька с тревогой оглядывает зал. Она видит позадй функционального гнезда ткачих, сосредоточенных на работе. Вот Лебедева, молодая ткачиха с тостым животом, повзвизывая от боли в спине. Она пододвигает ко рту чашку, называемый «попелуэячком» (челнок, называется так потому, что его приходится чмокать губами для заводки нити). Эти челноки теперь не употребляют—они вредны для здоровья, но многие работницы, в том числе и Лебедева, где-то их достают и работают ими, считая их очень удобными. Вот совсем рядом новая ткачиха—Анисимов—задумчиво глядит на деряные погонюлок и надевает на шпиринку челнока початок прижка, туго закручивает нитку—от этого вещеце бывает рывок, негодуешь нить, дуешься и угар. Анисимова кротко улыбается Рельке и снова опускает глаза на свои станки. Ковальчук, полная женщина, краснотечка с бусами на короткой шее, как бы нехотя пускает станок и принимает свое излюбленное положение—стоит, подперев руками бока, полузакривя глаза и крепко сжим губы. Релька кидается, что Ковальчук, истомленная высокой температурой в цехе, спит каждую свободную минуту, но таких минут мало, и Ковальчук вяло, не торо-

пясь, протягивает руки к станку. Эта спокойная и твердая женщина, малопоходящая женщина как будто никогда не высасается, но вот она начинает нервничать, у нее трясется складки подбородка—вернее оборвалась нитка.

Недалеко от Ковальчук мечется у четырех станков Лухерья Ларионова Она, с острим, как клош, носом, с пронзительными хищническими глазами, набрасывается на початок прижка, хватает его горстями расковыряв шарканья. Релька знает, для чего так делает Лухерья: эти ткачихе не хочется часто нагибаться к станку, удобней брать уток из самого близкого места—из шарканя. Правда, Лухерья не заботится о чистоте початков иального утка, которые очень хрупки, нежны, портятся в шарканях, ломаются, а после идут в брак. Лухерья ворко наблюдает за своими станками, вертится, точно обожженная, на одном месте, цепляется длинным подолом за какой-то выступ рамы, рвет юбку, не обращает на это внимания и даже находит время поковыряться перед кем-нибудь. Релька усмехается, отчаянная зная, что такая порывистость Лухерья продлится очень недолго. Так и есть: старуха поспешно останавлива свои станки и побежала по направлению к кипятилкам. Там она просидит несколько часов сразу, надыт какой же, как сама, лодыря для трескотни, а может быть для тайной выпивки.

Но Лухерья, приблизившись к уларинцам, внезапно остановилась. Медленее ее глаза селились за пускательными станком с удивлением. Ее удивление вскоре сменилась догадкой. Догадываясь о том, что девушки как-то по-новому работают, было не трудно. А все пошествова были ненавистны Лухерье, потому что они заставляли ее работать интенсивней и привлекней. Вот она выгнула шею, насторожилось и селась два шага к крайнему станку, тут местечко, где родилась Релька, был такой хозин огоролов, который зарижал ружье солью и сек выстрелами робытнем, возвращающего его огуриц; он подбуживала мальчишек со страстью настоящего охотника. Релька, не упуская из вида каждое движение Лухерья, сравнила ее с тем хозивном... Точно во владения Лухерья оторвался эти девушки, захватив множество станков. Так и подумалась Рельке, что вот-вот сейчас набросится Лухерья на них и увянтй посягателей за волосы! А Катя Сидорова быстро промчалась по промежку, зарывая челноки и раскладывая их по станкам. Эта девка совсем вышла из терпения Лухерью. Еще бы Одна такая, бурная да молодая завладела двадцатью челноками станками.

Лухерья наскочила на Катку и зарвала:
— Расскажи-ка, голуба, какой гробик для нас сколочиваешь?

Катка, отстраненно ее, ответила:

— Пожми, тетка, еще немного—и те то увидишь.

— Нет, ты поясни толком,—пристава старуха.

— Это вот что, Лухерья... Неховняшки система.

— Система? И нас может так заставят работать?

— Вперед не миновать...

Лухерья показала ей маленький сморщенный кулачок и воскликнула:

— А во...

— Не шей!—рассердилась тогда Катка.

Взори всех работающих в цехе были устремлены на тринадцатый комплект. Некоторые ткачихи не могли утерпеть, оставшаяся свои станки и из дальних углов прибегали к функциональному гнезду вальнуть на новую ударную работу... Взгунуть—и убегут, кто в недоумении, кто в испуге от молодежской затей. Были и такие работницы, что слышали о лифте, но не хотели в него лезть, боясь ударную работу... Взгунуть—и убегут, кто в недоумении, кто в испуге от молодежской затей. Были и такие работницы, что слышали о лифте, но не хотели в него лезть, боясь ударную работу...

Измайлов, стоя у своего рабочего шпика, срезал ножом острые углы гонка и стянчива их шкуркой. Он был доволен тем, что сегодня, реке, чем в остальные дни, взметают семафоры—значит станки завалены сорочью.

К нему подошел Гвоздев, достал коробку и, прищурив один глаз, зарядил ноздрю большой поношлой табак. Остатки зелья послышались на сотовую, беляю, как снег, брызг. Измайлов предурдился.

— Не пахай товар. Обойди и нохай вон там, в углу.

Гвоздев не расслышал его и начал чихать, судорожно хватаясь за станок. На глазах у него появились слезы, он начал плакать к нему шлоотно, Измайлов крикнул:

— Не чхай на базу! Стоай!

НАШ ЛЕС

И не доверяю. Старый подмастерье захлебывается смехом, указывая на функционеров и с трудом выговаривая:

— Значит по маршруту. Те-те-те. А что я себе говорю? Ужасно-нога? Жизнь нашу по маршруту направляю. Да разве можно? Тридцать лет я работаю... Те-те-те... Тышу лет твоих отцу, девчонка и не было такого насытья. Чего он, эти, обожает? Обожает станки? Ходит! Ходит! Хоронит!

Девушки-функционеры, обслуживая два ряда станков, иными круговые маршруты. Так например Катя обходит станки, зная одно: быстрей и аккуратней вырывает челноки—и возвращалась на прежнее место.

— Пошли! Пошли! Те-те... по маршруту, как трамвай,—надрывался от смеха Гвоздев.—Машинки! И что делают? Идут, идут! Народом! Из зарора строят автоматы. А, ну! А, ну! Ходи, народец горный, крути, девки! Карусель!

Смотря на, на твоём комплекте два семфора торчат,—заметила Изабелла.

— Семфоры? А чорт бы их взял и твою подость, хромая нога. Где у нас железная дорога? Кондуктор? Нет, и в твоём комплекте, хромая, подмастер я, Гвоздев я, вот кто и тридцать лет.

Но ткачихи настойчиво требовали его к станкам, поднимая семфоры, и он, поворащив еще немного, нехотя отбился к ним. Завалился Медвединой вприданое, и Катя уставая прыгала гонка, ударившись по челнокам, заматеее стало дегривать ремизок, обаживающих ее за основе, укадывалась шум в щеке и стал слышен звук заморивший—голоса ткачих.

— Релька, скорей!—послышался отчаянный голос.

Изабелла стоял в дверях ткацкого отдела. От ветра буаривались его широкие штаны и уставая добрым голосом.

— Тебе говорят, скорей!—задрожал его голос, и девушка затревожилась. «Если Сергей так кричит, значит что-нибудь неладно».

И она помчалась в цех.

Она видела, как по индустриальным проемам бежали работница, задывая плечами привидные ремни, которые трепыхались, как матерчатые ленты. Слышався топот ног, крик, плач, ругань и смех.

Релька растолкала толпу и пробралась к тринадцатому комплексу.

— Да гаянь же ты, Релька,—повисла на ее руке Катя Сидорова.

Релька отстраняла толпу. Релька медленной тенью показалась в узеньком проеме двух станочных рядков. Под ногами опрокидывались и громылали газетки с утком, хрустели девки, путались нити, отсканкивали челноки. Обичайный маршрут ткачихей ей неважно, обичайно долги и утомительные. В конце комплекта опустился на ящик и взглянула на пройденный путь. Печально свисали навои, срезанные и перепутанные нити. Путь уставая бесым, чистым шифоном и булавкой—гордость функционеров — ткань без малейшего брака, каждая ниточка которой была с любовью пригнана к основе,—теперь повисла в воздухе мена. Основы спорочились и заили шеной своей настия пола. Если человек изо дня в день отдавая силы свои на выработку добродичественной ткани, если он в кропотливой работе стояла, радовался нити на производстве материала, нужного нашей стране, то раскатывать ватон, распущенные нити могут показывать этому человеку похожими на умерщвленных женщин, с разорванными волосами, перерезанными горлами, холодными телами и в белых ночных платьях. Удивительная безынарежет жала и вызывает слезы.

— Какой злодей над нами надсекнулся? За что попасть такая оканья?—утраила Катя подолом слезы.

А Грива Иваненко ронет гребенку из Золос; гребенка хрустит по ее ноге, она словно пристыла к полу—гребень и неподвижна, со вздувающимся круглым мускулом, готовым разорвать чулок. Долго так стоит Грива и вдруг кричит:

— Очашай проход!—И первая набрызгается на полота ткани, устала, устала! Она агривает их в большую океану и свивает в конце гзета. Затем Грива становится молчаливой и злой.

Тяжка уронив концы красного шарфа на сиюскую ткань, Волнуется шарф, точно ручей крови, и в голосе крови:

— Финкой резанула основу... Острым... Лучшее бы по сердцу...

Изабелла подбегает к одному станку, то к другому, смотрит—цели ей они, и убежда-

ется в их истинности. Облегченно вдыхает, проводит руками по испотевшему лицу и, прихрипывая, устремляет в умывальню; там яркое в Гвоздева слитки другой подмастерья, толстый, стриженый под скобку Сяги. У него распнут ворот синей рубашки и виден на шею засаленный шнур нательного креста. На животе по животу протолкнута серая бранная вещь часов. Сяги извещает на фабрике как искуривший, не плещий водку, набожный и очень хитрый человек.

Изабелла сел подала от них и, приняв, не спеша, свертывая пакушку, потом так же медленно замунуть ее. Гвоздев нохал табак, а Сяги, задрав на скамью ногу, рассматривал подошву с широкими голами и подковами.

— В третьем году подила сапоги—и вот кому... Говар,—проговорил он.—Их нева доносился нарастающий шум голосов. Как-то баба взвизгнула и ругалась.

— Чего они раскохались?—не глядя на присутствующих, спросил Сяги и, не получив ответа, начал рассматривать другой сапог.

— Подметка парская... А это, небось, куры на гезде клюют. Нанесли тухлак яиц, которые поалались... Вот ведь как куры теперь ладут...

Цытерка во рту Изабеллова затрещала и зародясь синим огнем. Казалось, что он, окутанный дымом, не слышал Сягины, аянтый куревом. Когда толстый подмастерье выхлещ из умывальни, Изабеллов выплюнула изо рта выжало, подлетела ремешок штанов и подошла к Гвоздеву.

— Нохамь?—спросил он, и нога у него дрогнула.

Гвоздев поднял исполobile глаза на молодого подмастерья и промолчал.

Он медленно подошел, отделился по сторонам и, выгнув шею, выскользнул за дверь.

У тринадцатого комплекта он столкнулся с Лукерей, отворил полку шиджака и показал ей горшкихо бутылки.

— Остаток,—сказал, подмигнув Лукерей.—Но приминиче эти слова и сблизанность война не подоставляла на нее, как обично. Она грубо оттолкнула Гвоздева и дождилась к ткачихам.

— Что творится-то, бабы!—взвизнула она,—материю хороную попортила... друг бабы!—насыркую. Разве это закон?

— Верно,—отозвался Лебедева. — Девчата старались, и в друг такое...

Лукерей вертнула подолом, и он, уже равный, захлещая за выступ станика и с треском раздалась поплывал.

— Девки—тыфу! Уларички—тыфу!—кричала она.—Мне булавкей жалко, шифончик жалко! Пот горючий, слезки...

Анисимова подошла к ней и сказала:

— Неужели тебе непонятно, что вредители и есть те самые люди, что вместе с тобой против диффуза всталась?

Ларионова сжала кулаки и завизжала громче:

— Вместе со мной! Выхаст? Брешешь, баба! Ручки мои на нити висюхли, глухой может став от качества, а потому мне каждая метр все равно, что каждый палец на руке... Да чобы в вместе с функционерами став оговаривать! А я и совсем ополоумела, чобы думать, чобы то, что сама ткача,—выбростить к едренной матери! Не реши, баба!

Мигко и спохобно сказала ей Анисимова:

— Ты и помни, кому наруку твою нелюбю к уларичкам!

— Нелюба?—Ларионова немного аямилась, задохнувшись от волнения, потом, шния и клоучка, злобно продолжала:—Лайте мне, бабы, тую гинду, от которой у меня сердце чешется, дайте мне тех, кто булавкой канитогоняли, и их живим с'ем. Вот к кому у меня сегодня вилло, а с девками—тыфу! Одна у меня теперича болт, один ярет, одна слеза.

Она неожиданно уткнула, подлобала подолом и похлещая к своим станкам. Никто до сих пор не видел, чтобы она тихо ходила по проемке—всегда бегом, вертляво, юродливо как злоба... А вот сейчас стобрилась и только по одной нити, к себе можно было ухватить и ней Лукерью Ларионову, злейшего врага уларички и пваницы.

— Найдем, найдем,—повторяла она с яростным убеждением.

Работница заблотно помогала функционерам собирать основу, шушу и сматывать куски ткани.

Даром у нас не звучит хвала,
Песня — не рвется с губ...
Наводной весной
Рядом с тобой стою
Соки, жура, бегут,
Ирра зеленая —
хороша.

Всплывшая
и всмотрись:
Тихо шавелится,
чуть шавелится...
На чашке блинсы лист...
Но не об этом одном речь —
Нична расцветил взгляд.
Не за одну красоту беречь
Дароза.

— дни велют.
Голову винки —
и увидишь сами
Спрос на него высок —
Рядом ругаче корпуса
Илетчатой майне лесоза.
Дрогнув

под корень приняв пишу,
Падает гуно бор,
Высок вырастал,
Но в школу,
в клуб,
В скотный конхозный двор.
В сумрак лесной
Ты не раз вступаю,

Но —
и ты себя спрашиваю,
Сколько построк
и сколько шпал
Втиснув
в пени

— Турнир?
Зыбь онеанская — велика.
Вадох ветров — шуми.
Вальд от совастного материала
Релька

парход бешит,
Флаг — иозуанный,
Курде зей-зель,
Волны плывут плынут,
Чувствую теплое груза вес,
Лижет волна волну.
В их перенат
научись аиниать,

Пай
заодно с волной
Песно
про золото большеянина,
Пахнуече смолкой
Белой,

как пени самых морей,
Стружка оного шуришт,
Но за него
для страны моей
Много дарют машин.

Едине
Сгония локча с лица,
Гривет орудий речы,
Смывает оно
на плечи бойца
Лежем виниточку лачь.
И за незбытность

наших прав
В бой приневет штаны,
Холод металла
в себя аверяв
И теплоту руки...
Даром у нас не звучит хвала,
Песня — не рвется с губ.
В этих, стремлящихся вверх,
стоплах

Сени борбы бегут...
Самые чужды
к мюм ногам.
Ватер
копейчат лист.

Сон плавает о том,
Ник богат
Крелюничкой социализм.
И целики коринки
ной равной, к себе можно было ухватить и ней
Луч, проскользнула, приини.
Зеленое золото —
наш лес —

Будет
Зорья
Хранит!

ЛАСИНСТАН

Средь вечно дремлющей гущи,
Среди болотного тумана,
Где чахли мхи
И камыши,
Они заглянули
Асинстану.

Где серость мурья всегда,
Природы дикие узоры,
Там напряженного труда
Удар
Вознес
Лучистый город.

Стране, растущей в небеса,
Даем подарок наш —
Работу.
Как в сказке,
Встают корпуса
Богатырями на болоте.

Мощные
Выжжены, да!
Окрестности —
В музыку турбинной.
Свет, как весенняя вода,
Заила широкие низины.

Ландшафт
Меняется земной,
Одетый в сталь,
Бетон, железо.
Массив
Широкий торфяной

Машины фрезерные режут.
Бегут в просторы провода,
Гудят в весеннее далеко,
Фабричных дзаний города,
Колхозы насадива токком.
Страны строгильный разбег
Уже никто не остановит,
Еще стремительней
В борьбе
Польемте темп
На стройке нови!

Где тени мрачные когда-то
Баукалы в дрябях, как туман. —
Цветет густым
Электрослом
Неутомимым
Асинстан.
С белорусского перевода Александр Оясендер.

С КЕМАРД

БЕЛАРУСЬ

(К 12-й годовщине освобождения от немецких)

Уходя, они взрывают фабрики и вокзалы,
разрушают дороги, жиги, гробыши, наслопа-
ли. Впрочем, всем этим они занимались не то-
лько тогда. Одинадцать месяцев белорусской
оккупации были для Беларуси сплошной
ночью. Трудящиеся Беларуси до дня испили
горючую чашу интервенции.
В середине июля 1920 г. над еще дымивши-
ми городами и селами снова завалило алое
знамя Советов. Красная армия вышвырнула ок-
купантов из насиженных квартир. То были
длиннотанковые бои на берегах Бугаицы и
Днепра, там, когда Красная армия начинала
свой героический поход на Варшаву.

С тех пор прошло 12 лет. Двенадцать лет
шагали рабочие и крестьяне Советской Бела-
русии дорогой социалистического строитель-
ства. Там, где были разрушения, сожженные до
тла фабрики, выросли корпуса новых заво-
дов. Ломовский некогда шапку перед паном

крестьянину организует в колхозы, творит
новую жизнь. На основе ленинской националь-
ной политики развивается национальная по-
литика, социалистическая по содержанию куль-
тура. Страна расцветает, растет, крепнет.

И все же нет полного счастья у рабочих и
крестьян, у колхозников, у комсомольцев Со-
ветской Беларуси. В тридцати километрах от
столицы—Минска—проходит линия граничи-
ной станции Тем, за этими станциями, за грани-
цей—линия Беларуси, край горы, край, где на-
ская лавь еще свободно гуляет по синим тру-
дностям, где горные густки ненавидят и борь-
бу еще не харикуты в лицо оккупантов, где
тырня, террор, веспелка.

История как бы вечно, в виде нарастающего
посева, поставила рядом две Беларуси. Две
системы, разделенные лишь узкой полоской
земли. Два полуса, два конца старой Бела-
русии Советская—гигантская стройка, жизнь

светает, учись, власти, работай: социализм!
И Беларусь, Западная—нищета, голод, изде-
вательство: капитализм. И только одна пер-
спектива вперед у трудящихся, у молодых
рабочих, крестьян Западной Беларуси: ни-
когда силы, рука об руку с польскими проле-
тариями—на панов, за власть советов, за со-
циализм.

...И вот перед нами пачка писем. Быстрый,
нервный почерк. Узкие строчки. А слова—
огонь. Стремление бороться, острая точка по-
воде, пламенная вера и любовь к Советской
Беларуси, которая так близко и... так далека.

Читаешь эти письма и не веришь, что автор
их—в тюрьме, что семь лет уже не видел он
свободных людей. Читашь—и по-новому
встает перед тобой юбилейная дата, о кото-
рой речь шла выше. Так ярок, так живи-
вущее, какой огромный путь прошли мы за
истекшие годы.

ПИСЬМО И ПОДРУЖЕ 3.

«9 июля 1930 г.
Прежде всего я должна тебе сказать, что я,
что все мы, а особенно конечно сидящие здесь
товарищи из Западной Беларуси, захваченные
Асином. Рабочий поселок вылезал у нас не
меньше удивлен, чем главный корпус. Ма-
ло кто вглядывался в эти прекрасные 3-этаж-
ные дома с балкончиками и огромными окнами. О,
окая прежде всего бросилась нам в глаза. Нам
показалось, что только у нас строится дома с
такими большими окнами, и чтобы убедиться,
мы сравнили рабочий поселок с домами на од-
ной из главных улиц Кракова¹. И что ты дума-
ешь? Рабочие Советской Беларуси живут в
домах, где такие же окна, как в здании госу-
дарственного банка в западноевропейском го-
роде!

Разве не стоило радоваться, сделав такое от-
крытие? Как хорошо, как чудесно! «Обнимаю
дядю без конца, без меры захватывающей ра-
достью», писал белорусский поэт Янка Купала
еще когда-то, когда новая жизнь только рож-
далась. Что же говорить, писать теперь!
«...Ради и за тебя, что едва учиться—и оль-
привенно жаль мне, что не обузды ты больше
в Беларуси, не смеешь мне рассказывать,
как прежде, про еродные края. Вель Бела-
русия—это твои уголки Советского союза, о кото-
ром чаще всего думается, о котором больше
всего хочется узнать...»

«26 ноября 1930 г.

«Ты вот ты, значить, студентка. Говорили, что
университет, сама себя не веришь. Так, милая,
надо верить. Это вель частичка того великого

чуда, какое мы совершаем, частичка того неба-
льного перепорота, который не оставил камня
на камне на нашей—нашей—земле, в на-
шей жизни. Как же не удивляться, как не го-
реть в огне невыразимой радости и гордости
нам, только понаслышке знакомым об этом чу-
де.

Можешь ли ты себе представить, могу ли я
тебе рассказать, что переживала мы, когда на-
пример узнали, что в Беларуси, где никогда
не было ни одного университета, теперь пелух
тринадцать вузов, стены которых едва вмещают
тысячи, десятки тысяч наших ребят и девиц—
рабочих, батраков и колхозников.

Но нет—это все не чудо, не чудо, это то-
тот нашей общей работы, результаты нашей
трудной но победоносной борьбы, осуществле-
ние наших затаненных мечтаний. И поэтому мы
не развеив рыв, в уверенность и счастье, как
ищем дальше вперед добывать и завоевывать
новые, новые победы. Хорошо, друг мой,
человек хорошо, как никогда, нигде и никому,
кроме нас, не было.

«8 июня 1931 г.

«От твоего письма к нашей тюрьме захлоп-
нулись и козелером, запущено светлой радостью,
заснежено вальсиками? А помимо всего этого
повелею дьяхонем могучей радости, светлой
радости победы. Как хорошо, как безмерно хо-
рошо! Можно ли грустить тут, в каземате, ка-
да и СССР... Как сказать тебе это когда-то? И с
эмоциями и с широко раскрытыми глазами
я вижу душу, вижу новую Беларусь, вижу...

«В пересланное в тюрьму письмо было вло-
жено несколько стельбыв-рай и засушенные
цвенты.—С. К.

самую авки с некого безвильной жизни. Мо-
гу ли я ее не принимать, когда она—осуше-
ствление наших мечтаний? Но что там мечта-
ния! Творческая воля миллионов зачеркнула,
оставила далеко позади любую фантазию. Она
создала широкие общие поля, она вывела из
эти поля колхозы тракторов, она на гниных
белорусских болотах построила электростан-
ции, она могучей рукой преврала бег той жи-
зни, которая далаась столетия, и круто по-
вернула ее в другую сторону, заставала ее бешать
в тысячу раз скорей.

Знаешь, я могу иногда представить себе но-
вую Беларусь в воображении. Но когда я
перехожу мысленно в знакомые места—улицу
Эпогорезло, или Грабье, или Рогали—и
вот в Рогалих, в Грабье, в Погорезло встре-
чу трактор и комбайн, кино, семитку и ко-
лхозную маелобку, когда увидю знакомых
мне людей в новых ролах, руководителих вот
такой жизни,—тогда я не знаю, не могу тебе
пересать, что я тогда чувствую. Мне хочется
тогда бешать, лететь, кричать или смеяться, или
сидеть тихонько в немом безмерном счастье.

В... роляни! Ты во всем этом участвовала са-
ма, ты видела, как это безмерным темпом устре-
милось вперед, какими путями дошло до «се-
годня». Я же—и ничего не делала, я только
думала, ривалась и хотела, хотела... Думала с
радостью, с болью, сжизнью, ривалась каждою
стружкой души не только к нам, в новую Бела-
руссию. Я видела, я знаю и люблю еще дру-
гую Беларусь. Но все напрасно. Не мое
жизне управляет миром. Это делают дру-
гие, могучие и грозные силы, которые касаются
и меня».

¹ Краков—один из крупнейших городов Польши.—С. К.

ЖЕМЧУЖНЫЕ ЗЕРНА

На пороге текстильной фабрики вас встретит июльский свет туркестанского хлопка. Легким непрочным ковром он устилает булыжник фабричного двора, летит по цементным полам цехов, густым туманом стоит в пролетах лестниц. Обрывки прижаты валюются под ногами мольным, ватерным, ткацким машинам.

Возьмите пропуск на химический завод. Вам бросятся в глаза горы отходов, бляхастоящих на солнце всеми цветами радуги, лужи тяжелых масел, жиров, кислот, покрытых тонкой трясинной пылью, сверкающая соль.

Металлургический завод. Осторожней! Тут — куча старого проката: плосовое, прутковое, фасонное железо. «Давно лежит это добро?» — спрашиваем мы. И следует точный ответ: «лет двадцать» (завод им. Рыкова, Донбасс).

Ржавые горы бракованной жести. Горы литья, не пошедшего в дело. Горы жасанного мусора, лома и брака. «Давно валется?» — «лет с пятю, а может и больше» (завод «Серп и молот»).

Деревообделочный, лесопильный, мебельный. Огромные пирамиды жести, блях, розовых отходов, черпачков, реек, пластин, опилок. Темная ржавчина гниения подбирается к вершинам пирамид (Архангельский лесопильный).

Швейная фабрика. Конвейер. С одного конца поступает сырье, с другого — выходит штаны, пиджаки, платья, рубашки. По всему пу-

ти конвейера, как сквозь решето безхозяйственности, сыплются тонны ситцевых, саржевых, шерстяных, суконных отходов. Книжки отходов растут, забивают склады и щели.

Обувная. Зайдемте с черного хода. Не огорчитесь. Тут гниет кожаная обрезка, обломки, ошметки подошвенной толстой, тонкой, черной, цветной кожи. Заткните нос. Скорей на воздух.

Пойдем дальше.

Тут делают паровозы. Вот эти обрезки железных листов ржавеют десять лет. Вот это брак дымовых труб. Десятки тонн. Вот это остатки... (Луганский паровозный).

Здесь выпускают вагоны. Здесь груды железа, стекла, дерева, зеркальных отходов. Все это уславлено мусором времени. Археологические исследования показали бы, что времени утекло со дня основания этих куч немало (Мятишинский, Калининский).

Вот это — свалка. Обломочевенная городская свалка. Их много и в Москве, и в Харькове, и в Челябинске, и в Ростове. Под ярким солнцем мерцают вонючие кучи осколками стекла, битым стеклом консервных банок. Гниют рваные ботинки, гладиаторские туфли. Над свалкой вьется терпкий синеватый дымок разложения.

Вы утомились. Зайдем на фабрику-кухню. Закусим. Отдохнем. Кухня — тот же поставщик отходов. Но кости вывозятся на свалку, остатки жира спускаются в канализационные трубы.

Прекратим путешествие. Где бы мы ни были, в любой отрасли промышленности, на любом предприятии — будь то металлургический завод, бумажная фабрика или силикатный комбинат, — всюду наткнемся на сотни, тысячи, десятки тысяч тонн отходов, валяющихся без всякого применения, ржавеющих гниющих, отравляющих воздух страны строящегося социализма.

Назову кучу разрываю.

Пешух нашел жемчужное зерно.

Дедушка Крылов разумеется не мог знать, что могут таить в себе навозные кучи нашей промышленности. А каждая такая гора, груда, свалка, пирамида в переводе на деньги есть сотни, тысячи, десятки тысяч рублей, броненных и сталь безхозяйственности.

Помните, в раннем годовозном детстве мы встречали громадь возок трипичника, мусорщика и кучки?

— Же-е-е-е-е собираю! — слышали мы надрывные крики с зеленой ухабистой улицы. И летели на этот призыв, таща старые банки, подковы, ржавые обручи, дрявые кастрюли и кувалки.

— Тряпье — кости — бутылки! — И на этот крик откликался дядька окранны. Мы несли белые кости, обглоданные дядьками собачки, зеленые пыльные бутылки, рваные штопанные тряпки — семейные отходы нищеты. И получали взамен мучную конфету, расписанную розовым и зеленым анлином, грошвые кар-

гонимы часы на медной проволоке, криное зеркала в жестяной оправе. Там шла между свалками города и промышленностью великий товарооборот. Потому что агенты промышленности получали полновесное сырье, а нам давали суррогаты кофе, чая, сахара, фруктов.

Мы уже тогда знали: железо идет в переплав, кости—на сахарные заводы, тряпье—бумажным фабрикам.

Три года тому назад мне довелось провести пару дней на Сталинском металлургическом заводе с мистером О. Кинэй—представителем знаменитой котельной фирмы.

Тогда еще густо дымилась труба западной индустрии. В те дни промышленность Англии, Германии, Америки еще не представляла собой мертвой свалки корпусов, машин и дорогого оборудования. Запад переживал доверенный пафос стабилизации. Мистер О. Кинэй, куря дорогую сигару, цедил сокровища дубы. Он, мистер, был горд, тул и твердолоб, и у нас не было общего языка. Мы шли, проваливаясь в железные ямы, взбирались на стальные холмы. Ражаме балки, рельсы и швеллера ввергались нам путь, листовое железо грохотало под тяжкими ботинками. Казалось, землетрясение посетило металлургический комбинат и поставило его на дыбы.

— Мы не настолько богаты,—прошептал мистер О. Кинэй,—чтобы позволить себе роскошь мостить землю железом и сталью.

Мы это означало—Англия, Запад, капитализм. Мы были беднее Запада. И тем не менее расточительство стало нашей привычкой, нашей второй натурой.

Мне пришла в память эта встреча, потому что эта вторая наша натура еще не побеждена, потому что расточительство продолжается. Поэтому что иностранный специалист Крич (завод «Электросталь») убежденно говорит начальнику сталенинговского цеха:

— Я только что видел, как ваш рабочий шел в цехе золотую десятирублевку.

Инженеру Кричу, разумеется, не верят, но вежливо выражают осторожное изумление. Инженер Крич не унывает.

— Хотите, я вам покажу, но рабочий на нее только посмотрел, но не поднял?

Речь шла о куске электродов, о валоте. Быть может кусок электрода стоил и больше десятирублевок.

Кто из нас не может без особого напряжения извлечь из памяти парочку таких же анекдотов, которые—увы!—в обшей сложности обходятся нам в сотни миллионов рублей.

Борьба за порядок рабочего места, за порядок в мастерской, в быту, в цехе, на заводе есть борьба за чистоту. А чистота—это не только залог здоровья, но и богатства.

В утильцеха московского завода «Серп и молот» из отбросов магистральных самоварных труб

„ЗАДАЧА ДНЯ—В ТОМ, ЧТОБЫ КОМСОМОЛЬСКАЯ ЯЧЕЙКА НА ЛЮБОМ ЗАВОДЕ, НА ЛЮБОЙ ФАБРИКЕ, В ЛЮБОЙ МАСТЕРСКОЙ ДРАЛАСЬ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТХОДОВ ДЛЯ ВЫРАБОТКИ ПРЕДМЕТОВ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ, ЧТОБЫ НАША КОМСОМОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ БЫЛА САМОЙ БОЕВОЙ, САМОЙ ЭНЕРГИЧНОЙ“.

(Из выступления А. ГОСАРЕВА на VII всесоюзной конференции)

Собирают для изготовления предметов широкого употребления утиль на заводском дворе (завод «Серп и молот»)

Назвать этот порядок поможет нам особый аргумент, который давно сформулирован и установлен на каждом заводе, на каждой фабрике, на каждом предприятии.

Этот аргумент не придется ввозить из-за границы. Он испытан, опробован и показал блестящие качества. И построить его можно своими силами, без особых затрат.

Аргумент, который поможет навести блеск и порядок,—это утилизационный цех.

Нет никаких отбросов промышленности—есть лишь неиспользуемые ничем отходы. Задача утильцеха—полностью реализовать эти отходы, найти их наиболее выгодное применение.

Единственным почти методом реализации отходов был до сих пор огонь. Железо, сталь и цветные металлы бросали в домы, мартены и плавильные печи. Отходы дерева, нефти, кожи сжигали в топках котлов. Все прочее отдавалось на селение ржавчине, разложению, гниению. Отходы легкой индустрии медленно соединялись с кислородом, сгорая на огне времени.

Это был нерациональный, расточительный метод использования отходов.

Остатки железного листа, оброек стального прута, куски шпихоматериалов, обрешки прижи,—можно ли назвать их отбросами производства? Не было бы правильнее считать эти отходы полуфабрикатами? Ведь железный лист—это кружка, чайник, ведро, бидон, ложка; стальной прут—это зубило, долото, стамеска, инструмент; остатки дерева—это табуретка, ящик, деталь стола, обрешки прижи—это веревка.

Сотни тысяч предметов широкого потребления могут вылиться заводы и фабрики. По скромным подсчетам, предприятия только тяжелой индустрии дадут таких товаров на миллиард рублей. Тасочки топи дрифтингового олова заморожены в старых консервных банках, сотни тонн жира—исходного сырья для производства мыла—уходит с фабричных цехов и рабочих столов в канализацию, миллионами рублей просеиваются ежедневно сквозь решето нашего благодущия. Мы должны добиться, чтобы каждое предприятие выпускало товары широкого потребления. Потому что за ними стоит развертывание колоссальной торговли, усиление товарооборота между городом и деревней, дальнейший рост материального благосостояния трудящихся.

ВОИНСТВУЮЩИЕ БАЦИЛЛЫ МЕДИКА ГОРГУЛОВА

«Сие — гнида, воображающая, что она львица»
(Старый афоризм)

Когда белые трюки с доблестным грохотом вываливались в яму и курки антанговских паровозов, чтобы в спешном порядке очинять от новороссийских, одесских, владивостокских и других стрелов родного отчества, они уносили с собой, как извещию, большие ценности. Речь идет не о тонках казенного золота или о картах нетележных баронесс. Нет! Бывает со штабами, погонами, побитыми надеждами, стратегическими пролопами и слано-неделимыми вегетативными экзавационными пародиями увозили из России «белых русских дестиней», русских отроков-изгнанников, в возрасте до десяти лет».

Крупный слеза застыла чистым литературным парламентом на страницах харбинского бело-гвардейского «Знамени», — чистая слеза старинника Горгулова по рекам в районе Императорских вод, поручика Стебленко. Сейчас эти «детишки» выросли на чужбине до масштабов взрослых и вполне понимающих происходящие события белоизгнанных.

Правда, 10-летние отроки, вывезенные в свое время из Новороссии в парижские тылы, сейчас не только не знают России, но даже не знают языка своей родины. Поручик на это знает языка чужой преданности молодого патриота национальному духу своей страны, которую он являет быть даже только знает, компенсирует и возмещает все недостатки.

Убийца Думера Горгулов — плод долгой работы белой эмиграции, и она продолжает готовить Горгуловых из среды «белых» отроков. Демонические головорезы, которые когда-то уставляли путь свой по кубанской земле дымившимися грудями трупов, поставляют из своего круга Горгуловых. Это, по выражению из берлинской «Бельет ам Абенде», и есть тот «патриотический бульвар», в котором «людишки и размышляются воинствующие бактерии провокации».

Даже лейпцигская буржуазная газета «Фолькс блат» недавно призывала в свидетели самого бога, что «русские навалились сам виноваты. В том, что возможна была атмосфера, в которой Горгулов так удачно разрядил свое оружие. Но особенно интересно то, что несчастные, от-

чаявшиеся люди, уже потерявшие в исторической перспективе 99 и три четверти шансов на ств, утешаются или заставляют себя утешиться тем, что «молодежь выскочит, «белая молодежь» растет, чтобы расчиститься с врагом». Нет, русская молодежь в эмиграция так же болзна, как породавшие ее, потерявшие такое крупное поражение отцы».

О том, какая идет смена пашанам из Торгпрома и Воинского союза и каковы доспеки икрыты молодежи трудя избавителя московские уэльные князиста от ига космопольских явек,— об этом пророчил несколько слов соданный «Нью-Йорк Таймс»: «Многие считают, что состояние русской молодежи, рассеянной по всем материкам в результате большевистской революции, является одним из доказательств неспособности белых руководителей организовать свои силы по новым методам и на новых основах, отличных от аналогов прежнего времени». Бостонская газета «Бостон Сан» писала: «Нечего надеяться русской эмиграции и на ее молодежь. Как заявили в минуту отчаяния сами представители белого княжества, русская молодежь в эмиграции опусталась, устала, она «неподвижна, ничтожна и нравственно бессодержательна». Они сами порой говорят, что потеряли любовь к России и постыдно пресмыкаются во всех странах в расчете на подачки».

На пяти шестых земного шара, в разных климатах и среди различных рас иштук покупателей на себя молодые белогвардейцы. Много на свете пручудливых валютных названий — франки, гульден, лев, песета, латы, чени, цинг, доллары,— и со всеми знаками расчетные ведомости фашистских молодежных организаций белоэванделиции. Японцы? Пожалуйста — берите Сибирь! Само «Возрождение» ругается за полные согласие русской молодежи на «независимость Дальнего Востока и Сибири. Французы? Да режьте себе голову до самого Кривоного Рогой Пользай! Мы, русская молодежь, в потопном шипящем отагательстве в утверждения польских шифтов на высотах стенх князского Кречатика. Румыны? Для хорошего человека и Одессы не жалко! Везде служат белые белогвардейцы — во французской полиции, в харбинской жандармерии, в Нью-Йоркских детективных бюро, в белградских мастерских патов, в африканских легионах французского империализма. Нельзя не приселиться к берлинской газете «Бельет ам Абенде»: «Крива и спасении России, Горгулов и его соратники, воп белогвардейщина и хваленая русская патриотическая молодежь, головки самотер России по кускам: Кавказ, Украину, Сибирь, Среднюю Азию, кому угодно и почти за любую цену, лишь бы это был интервет и враг большевизма».

Буржуазная пресса может нам рассказать и о житейской будничной прозе белой молодежи. Как сообщает немецкая газета «Моргенштер», русская эмигрантская молодежь является неистощимым поставщиком преступников, воров, бродяг, занимающихся предосудительными ремеслами во всей Европе. Секреты, а подчас и явная проституция сделались занятием двухлещ, генеалогическое дерево семей которых не позволяло бы предположить что-либо годное. В Берлине в течение последнего года было много несчетно убитых среди молодых русских во время карточных игр». Добавим еще, что в газетных харбинских цитонках «Рупор», «Заря», «Ун-бу» предвзвует поклонники. Иные работают главным образом «белыми юностями, подвизники самого высшего в мире вымысла, возбудились отвариетельного газетного. Истинно русскую организацию белой молодежи возглавляет — английский социалог Мендари, австралийский выходец, который недавно заявил, что «Горгулов действительно сыграл роль львита — он сконцентрировала внимание тех, кто забыл о существовании русской традиции. В «Последних новостях» дон-Амандо пишет о будущем русской молодежи: «Настоящего нет, будущее скрыто, все в прошлом. Жизнь оглядела, обескуражилась, стала злой, жадной, прожорливой. Жизнь скучно, являем мы грустно, живем мы жестоко».

В праздник — халиткий, пьяный скучеж, в будни — воинствующие неустойчивые выскочки вдовитых бандах. Чехо-славянские и французские правительственные хлебосолы, о гостеприимстве которых можно уже сказать легенды, знают, по чьему они корням десятки тысяч молодых парадиков, о которых одна латвийская газета сказала, что они только контят небо Европы. На генеральных штабах, на военных министерств, на полических префектур и муниципальных гветских заведений штабфы ити королевств, подбавривания, поощрения к молодежи белогвардейским организациям, делаются регулярные золотые приписывания в армейский организм белогвардейцам на самостереженности. В специальных белогвардейских академиях высокие эксперты читают эмигрантской молодежи лекции по шпиону, подбавриванию, подстреиванию. И кем всей этой суете и анхаролярной работе — подготовка к анти-советской интервенции. Белые крепаны должны будут оплатить счет за расходы генеральных штабов, штабфы на советские границы, варьяны, дипломатом и атаками. Они найдут у наших границ достойную встречу.

(75-летию со дня смерти)

Только что прошел дождь. Бурый горизонт дымится, и дорота от окна моего уходит к горизонту.

Полчас назад небо безоблачно и ясно, как до косых ударов грома, а теперь வருяется тонкая дымка. Оно обрастает синевой и рябит озерной гладью.

Горизонт — как береза под моим окном, которую только что надували хлестая ветер.

Только что пришел с заседания. Мне таскуют. Я устаю. Там разбирали мое заявление.

На столе лежит неочеканный план массовой роты. И отозвал его с стороны, хотя злит за ним зайдет Иванов.

Два дня тому назад я пошел к Иванову и стал за его спиной. Он разговаривал со своим братом.

— Ты думаешь, Васка, — смеясь говорил он, — ты открываешь Америку? Еще два года назад Михаил Иванович сказал: «Мы замордовали самую политарную молодежь. Берем, какие-то крокодильи разработать методику политармоты, а мы повторим».

— Методику политармоты разрабатывают уже, — сказал я, подхожу ближе. — Только нам самим...

Иванов спрашивал труса. Его серое лицо переливалось голубыми пятнами, как позный асфальт. Он толкнул брата в бок и захихикал, нутуясь, как дрозд.

— Вот чудак, он думает, мы разговариваем серьезно? Уморил... Я сон рассказываю...

Я повернулся и пошел прочь. Иванов догнал меня, схватил за руку. Отдуваясь, подбирая слова, заговорил:

— Вранду не поддай. Я так... сон такой приснился...

— Во сне всегда чертовщина снится, — спокойно сказал я. — Ты бы лучше с ребятами поговорила.

— О сне? — испугливо спросил Иванов.

— О сне, — безразлично сказал я. — Такие сны скрывать не надо.

Иванов поворочал.

— Ты что, армян навелешь хочешь? Наласный, алкало знаешь. Я от твоих слов откажусь си могу. Сидетьтей нет.

Я ушел от Иванова и написал заявление в бюро ячейки.

Когда Панкратов, молодецка-нарен, бессмысленный секретарь ячейки, зачитал заявление, Иванов встал и сказал:

— Заявление очень странное. Оно недостойно комсомольца. Может быть, написать такое заявление его толкнуло прошлое? Мы хорошо знаем настоящего товарища Сенкова, но не знаем прошлого. Пускай расскажет.

— Возника, ребята, не стоит, — сказал Панкратов.

— Пускай расскажет, — настаивают повторил Иванов. Я рассмеялся.

Человек из теплых южных, с большой канюшей головой, сидел на корточках по двенадцать-четырнадцать часов в сутки над окошками. Хозину была выгода сверхурочная работа из-за обидной зависти, — человек с выходящей головой вужны были деньги для большой семьи. На сорок восьмого году работы человек упал на ополку. Из горла, его хлнула кровь. Через полчаса он умер. Кожа подала испорченную ополку и лучшего литейщика. Он подчал стоимость работы литейщика, дал контршпору конверт, и тот побегал к двое- с деньгами и известием о случившемся. Она вскрикнула, схватилась руками за отвисший живот, бросилась к заводу. На дороге упала, мокрая и сбесившаяся. Через полчаса я врачил и был вместе с ней. Через день под опека моего отца и окрестна меня...

— Достаточно об этом, — перебил меня Иванов.

Пылающие зеркала водной гладью растепаются, уходят в ялахмах к берегу и сквонных протупает еле заметный трепет молодой запы.

На крыльях сельской школы, в поношенной юнтурмовке, торолливо покуривая папиросу, стоит учитель Сенков. В раскритое окно видю, как ученики, вываливая над партами, отвлекаются. Двое голубые ребята, забравшись на узкий подоконник и, болтая ногами, смотрят сквозь Сенкова на свежий и розовый от заходящего солнца хвойный лес.

— Как хочешь не ирните тетрадки по физике, — говорит один, отворачиваясь от

Сенкова. «Простите ребята, говорит, еще не проверил. Некогда».

Папироска догорела. Стопанный рябий боштин привалил ее и сбросил с крыльца на пыльную дорогу.

Сенков вошел в класс.

— Все решил? — устало спросил он, опуская руки вдоль тела.

— Бес! — хором ответили ребята.

«Полчас свободного времени, и я проверил бы все тетради, — думает Сенков. — Сейчас шесть. Знатье нужно кончать здесь и идти собирать ребят в политшколу. Доклад не пригодился — но как-нибудь выкручусь».

Сенков поднимается.

— Давайте тетради и идите домой.

Два года назад он начал учить себя и других. Он пошел на недоброту с фабрики, в порядке выполнения решения ЦК ВЛКСМ. Он так и запыл в райкоме.

— Пошлите меня, ребята, в самое гадальное село. Буду учить, учиться сам и работать за село. Олако пора. Сенков собирает тетради в столку, заворачивает столку в газету и выходит на улицу. Сбор нужно начать с крайней избы, и Сенков идет в конец села.

— Эй!

Сенков останавливается. Так тихо и четко, как сладкий в безрезные веномо, может кричать только Капшев, председатель сельсовета.

— Как здравствуете, Сенков? — спрашивает Капшев. — Спешить?

— Спешу.

— У меня к тебе новое дело. Хочу тебе агрономно дать. Парень ты жилистый — справишься.

— Какую агрономно?

— Лекция мужикам читать. Я за председателем, ты за докладчик.

— Не могу. Разречь меня на куски — больше не буду на себя. Ты только смотри, послушай, сколько у меня работы. В комсоде — раз, в политшколе — два, в бюро — три, в сельсовете консультации — четыре...

Планка. Там вроде нехватает.

— А главное я и забыв. Ведь я школу забыл. Два смена в школе. Учить приеха, думал — сам учиться буду, а вышло... Поверь, тетрадки проверять некогда.

— Верю, — смеясь Капшев.

— Ребята ворчат!

— Они сосунки!

— Меня симкут за плохое качество обучения.

— Не справишься с работой! Я шестую ночь не сплю...

— Бывает, — согласился Капшев. — Только агрономно ты возьми.

— Не могу.

— Ты же учитель, — кричит Капшев. — Культурная сила на селе...

— Положение товарища Сенкова ясно, — говорит Панкратов, помашав свои запястья.

— Что мы, ребята, поставим? Сенков категорически требует снятия с всего целого ряда нагрузок и объясняет это тем, что от комсоды у него работа и работа на селе страдает его основная работа в школе.

— Такие заявления недостойны члена комсомода, — перебивает его Иванов.

— Давай Сенков говорит, что он хочет получить свою квалификацию, — продолжает Панкратов, — ибо, как говорит Сенков, он учительской школы не кончил.

— Не знаю.

— Хочу! — управо повторяю я.

Ребята начинают спорить. Иванов третит, как колодой.

Я отхожу к окну, открываю шторы и вспоминаю, как вчера на уроке физики я забыл закон Паскаля, запутался и замолчал.

«Мне вгонять за плохое качество учебно-изданию я, выходящая на улицу».

Началась гроза.

Панкратов старается переключить шум. Он подает сигнал мне и за руку идет к столу.

— Там и постановим. Сенков должен в течение двух месяцев постепенно передать все нагрузки новичкам-комсомольцам и заняться основной работой в школе. Кто за это предложение? Кто в пользу Иванова? Иванов — поче-

Пьер-Жан Беранже явился для Франции основоположником социально-политической сессии, Воспитанный в духе республиканских идей Великой французской революции, Беранже создал политическую систему, выражающую идеологию мелкобуржуазной буржуазии и примыкающих к ней протрастрирующихся ремесленников.

Беранже создает острый политический памфлет, социальную элэгию. В этом отношении характерен его «Кюмор. Вместо», где Беранже высмеивает империалистическую политику Наполеона, предостерегает в образе дон-Кихотского и миролюбивого властелина, обещаящего свое царство на осле. Полный расцвет сатиры Беранже падает на эпоху реставрации. Возвращение к власти Бурбонов вызывало у Беранже целый ряд пьес, памфлетов, в которых находит блестящее сатирическое отражение весь социальный и политический строй эпохи.

Распространяясь вначале в виде летучих листов, пьесы Беранже были изданы впервые в 1816 году. В последующих сборниках содержалась сатира на монархию, дворянство и алерикализм. Уже первый сборник стихов лишает Беранже влияние начальства по университету, где он тогда служил. Второй сборник напечатан на Беранже судибное преследование, окончившееся трехмесячным тюремным заключением за оскорбление нравственности, церкви и королевской власти.

Влияние Беранже на развитие социально-политической сессии чрезвычайно велико: его творчество послужило началом традиции протестующей социальной сессии XIX века, которая оказалась в рабочей поэзии Пьера Дювалю, у революционных поэтов эпохи Коммуны — Потье и Клемана, наконец у поэтов-Арсиста Брюана, Ююя Жю, Жана Риома.

Необходимо отметить, что и Маркс и Энгельс чрезвычайно интересовались политической сатирой Беранже. В адресе демократической ассоциации временному правительству французской республики (28.11.1848 г.), подписанном Марксом, мы читаем: «Вам, французам принадлежат честь и слава в том, что Вы положили главные основы того сарода народ, которые так пророчески воплел ваш бессмертный Беранже».

В поэзии Беранже не сумевшего преодолеть своего мелкобуржуазного сознания стать на позиции французских протестантов, мы находим странную, где борьбу сменяет пассивное раздумье. Это однако ини в какой мере не уменьшает значения литературного наследия Беранже в той его части, где возм выражает, как политический трибуна.

Несомненно, что десятки пьес-эпиг, пьес-стрел еще надолго останутся действительно бессмертными.

В ЦЕХАХ КУЛЬТУРЫ

...Книга Бивер Стоу уже давно появилась на экране. При виде законченного в кандалы дяди Тома у страдающего буржуа наворачиваются слезы. Еще бы! Ведь он так любит смаковать экзотику и

...Мысль об этом фильме могла зародиться только в СССР. Попробовали Междубоим в Москву приехать 22 негра. Они будут участвовать в съемке фильмов о жизни негров в Америке, они — жи-

сентиментальности! Социальный вака буржуа определяет качество выпускаемых Голливудом фильмов о негре. Все они наподбор трактуют биологическую расовую проблему, ищут валежных намеков на классовую борьбу.

вые свидетели капиталистического рабства — будут создавать первый правдивый кинорассказ о негритянском пролетариате... Фильм будет называться «Черные и белые». Станет немалый режиссер Юргенсон.

Чопорим, названный Кембридж — древнейшей английской аристократической школы — был опорошен. Газеты зловонны об опасности большевистской заразы, о безбожных идеях, которые приносят с собой эта невинная жи-

се кое-где промелькнули тревожные сведения о том, что школьники заставляют своих учителей водить их на выставку... Зарубежные выставки советского искусства, посвященные России уже прочно в практику БОКС, Не-

рактеру выставки И все же вопреки всем пронкам консерваторов выставка, посвященная просвещению в СССР, была открыта. Успехе превзошел все ожидания: посетовало ее примерно в 3 раза больше народа, чем посещают местные культурные выставки. В пресс-

давно прошли с громадным успехом выставки детской и взрослой книги в Дании, Франции. На очереди — японская выставка немецкой архитектуры в СССР.

На снимке — один из навильонных выставок в Копенгагене.

Здесь все необычно. Исчезнут ярусы, ложи, рампа, занавес. Зрительный зал и сцена сольются в единое целое. По ходу действия сцена превращается в спортивный стадион, в громадную узкую площадку, где снуют автомобили, мотоциклы и т. д. В задней части сцены будут устроены спальные диваны, расположенные в даль яруса. Это — кабинеты актеров, режиссеров, машинистов сцены. В кабине актер гриммуется, отдыхает и в то же время следит за всем происходящим на сцене. Нет понятия «кулисы» — актер может появиться сбоку из публики, сзади.

Это только несколько штрихов интересного и своеобразного проекта переоборудования театра им. Мейерхольда. Основной вариант проекта (авторы В. Мейерхольд и архитекторы тт. Бархин и С. Е. Вахтангов) уже утвержден. В начале зимнего сезона театр большинства значаний, театр крупнейшего режиссера нашего времени получит помещение, соответствующее его творческим установкам.

Оплат мракобесия — бывший храм Христа-спасителя — снесли дотла. Сейчас идет энергичная подготовка к исторической стройке гигантского Дворца советов. На нашем снимке — известный американский архитектор Гаммалтов, получивший первую премию на конкурсе проектов, знакомится с местом постройки.

Вода Ледовитого океана и Берингова моря омывают берега угрюмого Чукотского полуострова. Скоро сюда приедет киноэкспедиция Союзкино под руководством режиссера Литвинова (авторы фильмов «Елские люди», «Камчатка» и др.). Семознака группа поедет из Владивостока пароходом через Уполюво в бухту Лаврентия, откуда она будет производить свои вылазки. Крупный выезд намечен вдоль Чукотского побережья до эскимосского стойбища Паукин — крайней восточной точки СССР. Там будет снят фильм из жизни чукотских эскимосов.

Через 2½ года экспедиция вернется в Москву. Неделюми жизни дальней советской окраины пройдет перед нами на экране.

Поэзия необычайных и гибких ритмов, безыдей — эмоциональная насыщенности, сильной художественной выразительности... В СССР гостит сейчас известный негритянский поэт и драматург Лэнгстон Хьюз. В минорной и печальной лирике поэта в последнее время уже явно выступают социально-оптимистические мотивы. В драматической миниатюре «Скоттсборо-экспресс», которая шла с большим успехом в клубе им. Дюна Рива (Нью-Йорк), Хьюз развенчивает американскую демократию.

Приводим отрывок из его стихотворения «Гордость».

— За мой честный труд
Вы дадите мне иинешую плату,
За мой честные мечты
Вы дадите мне и иню.
Вот вам мой кулак... —
Он еще слаб,
Но он хочет стать сильным,
Чтобы дать вам по лицу.

На снимке — новое здание клуба для рабочих Чабынского ГЭС

НА ОБСУЖДЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

О МОЛОДЫХ СТАРИЧКАХ

(Письмо в редакцию)

История у меня такая: общественная работа со школьной скамьи, поступление на производство, комсомол, большая комсомольская нагрузка, ступенчатое Маркса — Ленина, политехучеба и на одной свободной минутки.

От чтения научных, философско-публицистических книг — предельная старческая серьезность, строгость и требовательность к себе, вечный вопрос: а хорошо ли, правильно ли это комсомольцу? Не мешаю ли ты это?

Отсюда — подавление силой воли юношеских проявлений. Парень в вельюшки, некурный и, что называется, красивый. Обладая этими ценными качествами, которыми так дорожат девушки, я строго сторонился интимной дружбы с ними. Характерен один эпизод. Однажды ночью я шел с заступающего комсомольского собрания в наш рабочий поселок; моей подругой была одна комсомолка. Дорогой, неожиданно для меня, полился обильный дождь и прочее. Это бросало в луж. Я подумал: «Принято ли это комсомольцу? Не отравится ли на работе?» и ответил:

— Брось, Лютик. Это просто мимолетное настроение, оно не сегодня, так завтра пройдет!

Пожал руку и ушел. Постоянным подавлением чувств я достиг высокой благодушиности, рациональности. Зря ничего не скажу, не сделаю — все с расчетом. По поводу самого незначительного происшествия могу с пафосом

издать целый политический трактат о классовой борьбе и т. д. Но куда деется живой темперамент юноши! Я сделался черствым, сухим, скучным человеком, как секретарь парткружка в «Хлеб» Киришона. Если как-нибудь случайно придется остаться наедине с девушкой, я не знаю, о чем с ней говорить, кроме работы, политехучебы и т. д. Мне 20-й год. Лучшие юношеские годы прошли в уселенной общественной работе, а я ни с одной девушкой интимно не знался, не знаю, что такое женская ласка.

Моя мать (ох, эти «серенькие, серенькие мамы!») сердечно болеет.

— Миш, зачем красоту-то свою, молодость не используешь, зря теришь! Давал тебе комсомольская работа и книги! Искохнешь над ними. Ни в сад погулять, ни на пруд покатыться, нигде ты — только за книгами. Посмотри-ка в зеркало — ни лбу морщинки, уж постарел. Никто из ребят, кого я знаю, так не работает, и их из комсомола не исключают. А маленький ты был веселый, звонко-смешливый. А теперь? Я не помню, когда уж ты смеялся — лезло серьезный!

Серенькая, серенькая мама, своим многословными акафистами ты меньше всего сосредоточиться на книге. Приведение слова — это какая-нибудь таксичная часть проповеди, которой она настаивает на «чуть истинный» своего «завлудшего сына». Но как-никак, в словах много правды! Теперешней

споей профессорской серьезности, сухости, черствости и вообще «старости» в своем характере я не рад и сам чувствую и понимаю всю тяжесть таких типов — во взаимоотношениях полов, браке и т. д. С таких типов берут старт классные враги, изображая социализм обществом всего стандартного, серого, под номерами, страшно скучного, как Е. Замятин в контрреволюционном романе «Миш». Как, уважаемые гг. консультанты, исправлять такой характер? Каким образом сохранить партийную рациональность, умея в то же время быть эмоционально живым, а не сухим, черствым?

Плшу я в полной уверенности, что таких типов, как я, в комсомоле не единицы, они есть среди руководящих товарищей. Поэтому прошу мое письмо широко обсудить и обстоятельно на него ответить на страницах «Смени». Озаглавить — «О молодых старичках». В такой своеобразной старости некоторых товарищей я виню не только их самих, но и организации, которые игнорируют личный быт своих членов, считают позорным заниматься «такими пустяками». Большое внимание печати к быту молодежи в настоящее время надо приветствовать и пожелать, чтобы это не осталось кампанией как таковой. С приветом Рабочий механический мастерской.

Михаил Кириладовский.

Г. Свердловск

От редакции. «Смена» ждет откликов на это письмо.

ПРАВО

на

ЛЮБОВЬ

Я, рискуя изруганным быть (оправляясь конечно где уж тут!), заявляю: любви я и буду любить не только станок, но и девушку. Чувство лопать ли в лицемерья тискаха, притворяться сухим

и беспомысл, что ли?

К чорту!

Я не монах,

Я — комсомолец.

Резве

работы моей

след,

чувства,

желанья,

стихия моя

исчезнут от того,

что мои

двадцать лет

требуют

здоровой

любви?

Хотите,

на свист поднимайте,

нока,

не краснея,

признаюсь сам:

люблю,

когда девушки

любвящая рука

глядит

меня

по волосам.

Стружку пириала

рядом с ней,

увидев,

что глаз ее

сер цвет,

я жить

и работать

стал полнее,

отдав ей

влюбленное

сердце.

Так можете

ломать недовольство,

бровь,

гадующую,

прав я,

не прав ли?

Я знаю:

революция

нужна любовь

без пошлости,

без порнографии.

Десяти тысяч ребят отдыхают в пионерлагерях

ДВА МЕТОДА

«Члены нашей организации должны делать то, чего требуют от них организаторы, но не то, чего хочет их левая нога» — сказал генеральный секретарь.

Рис. В. Васильева

Но бывает у нас и так:
— Ваня, а Ваня, может с'ездить на мобилизацию. А? Ну, а тебя умоляют.

«Бороться за отдаленного человека, а не бороться, не командовать, не алманить и орать» — сказал генеральный секретарь.

Но бывает у нас и так:
— Назначить добровольцем в операцию?

ПЕРВЫЙ СОРТ

«Многие работу в кооперации, в лагере, в столовой, в кружочках считают работой второго сорта».

А. Косарев

Литерату бывший Василь Хорт
Сидел в столовой очень гордо;
Поворотил с похмелья морду,
Рутина офинантуку:
— Эй, ты, черт!

Проглянул, а на первый сорт,
А ты — ударица второго сорта,
МАРХ ЛЮДА ЛЕРБЕ.

НАРУЗО И КОРРОЗИЯ

«Дайте песню акущичую, музыкальную, красивую!»

Небрежно ввалился на часм, конференсе продолжал:
— Окисям металлоиде, как известное, обладает кислотными свойствами. Однако есть элементы, например антидоты.

Конференсе лако провелада главу о популярной антигноми, плавно миновала еще шесть разделов, оживиз их небольшой серией химических формул и, выныривши за «некоторую схематичность», остновилася на разделе индустриалит.

Когда помыс свиста с аллодисментов несколько запоздал, на сцену под предводительством конференсе вошли четыре рослых парня.
— Наша гор-р-дость — Синяя!!! — постронено крикнула конференсе...
— Вур-вур!!! — нестройно подпедали четверо.

Молчуне симбулнички робко удержали в детские барбачнички и недружественными волосами трямчили —

Мы чужим химико,
Ласья нам химико,
Ласья нам химико,
Вот это да!

Свистунов и хрипанов солиеры Осодина убралы из зала, и популярной конценту продолжался.

— Ария Насоваллы из несокоченной оперы пролетарского композитора Семена Зеленого «Взлететь, соколам, орлами, — об'явил конференсе.

Привставта помыс задулалк лижичесним попарвала ружий паврик и, сверкнув очами, захрипела:

Желая! Желая!!
Же-а-а... аа-а-а!

Андарошка Веточкин отер со лба пот и, стараясь не раздражать соседствующих, деловито поскользнулся на желе.

На улице морсился дождь, и Андарошка Веточкин решительно направился на заманчивые огоньки рекламы кино «Молодь».

Три сериис с адим сена!
Гомрирский зоант!
I. Цыганская кровь.
II. Как заковать металл.
III. Сам себе химик.
Домой Андарошка приехал мрачный и усталый. В комнате толосаа репридуктор:

«Сейчас мы передаем четвертое отделение большого комюста — В борьбе за технологию» по трансляции из клуба «Деревобудельнички». Вынимки! Симфонический ансамбль под управлением Федора Ивановича Катручинина

Рис. П. Мухоморова

Так благодаря стечению обстоятельств Веточкин стал убийцей

свезает сейчас сонату «Забитая формула».

Следующий день был выходной. Андарошка Веточкин явля со тбуркириси плагиатора робкой, а основной источник счастья новой мыслию, отправился в магазин Музтреста.

Тштвенного тут впрочем ничево не было. Андарошка выволок с чекада вброшенной граммофон и ршился сам тронувать свое музыкальное воспитание.

— Все равно, лишь бы повеселее... Может, у вас Карузо есть, испанские песни... что-нибудь в этом роде...

— Прекрасно! Поблизеи! — радостно раскисился продавец. — Вот здесь последние новинки: «Узор судельный», «Повесть о коррозии. Отлажить!» «Песнь антигномиа — пролетарский жанр. Бегут нарастать...», «Клещи и волакиа»... желаете?

— В рифму адуе! — подумал Андарошка, — перво чистушки! — Довоите! Граммифон подривалася на место из'отного радиоприемника. Андарошка забобило смелыми мездушюу пелье с пластикии и опустила иду.

— Повесть в коррозии — послышалася на труби баргоналый голос. — Ничево толос! — закричал Андарошка, — помож на Головоина.

Пауза кончилась, и из вельной трубы тот же голос произнес:

— Как известно коррозии, это — свойство металлов окисляться и раз'лаяться как с поверхности, так и между кристаллами сплавов.

Уже в входе прошлела граммофон и с мистическим звоном рухнула на человека, провалившись под овина. Так и благодаря стечению обстоятельств Андарошка Веточкин стал убийцей.

Трудно описать волнение и печаль Андарк. Но на протокола, составлено в милиции, он мезидливо трямка, что покойник был виделем работником Музтреста.

— Оправдалот, — обделчено воздоци Андарошка, и удержания совести перестали мучить его.

МАФ.

ГОДИЧНЫЕ „УСПЕХИ“

НЕОЖИДАННОСТЬ

Регулярно один раз в квартал приезжал в Ореховский район всеореховский активист. И спрашивал он у активиста ореховского масштаба:

— Когда же вы начнете учиться?
— Вот выдичи хлебозероготы, — отвечала ореховский активист, — затем учитесь.

И всеореховский активист «сжал, члони еще через три месцаа прихусть и спросит».

— Когда же вы начнете учиться?
— Так мы же семена засыпаем! — отвечала ореховский активист. — Засыпдем и начнем.

И опять «сжал всеореховский активист. И опять «возвращался всеореховский активист в район и опять получал ответ».

— Да мы ж сеем! Вот посеи, тогда начнем учиться.

И опять «сжал всеореховский активист и вновь повалал в хлебозероготыам в Ореховский район.

И вновь откладывалася учеба ореховских активистов до окончания очередной хозяйственно-политической кампании.

И вышел наконец из терпения всеореховский активист, и выстунил на VII «всесоюзной» конференции комсомола всеореховский активист, и отвел на душу, рассказав о злостных людях, откладывающих учебу.

В заочных прениях предложение всеореховского активиста всесторонне обсуждалось. Один из злостных людей совершенно справедливо заметил: «В связи с огромной перегрузкой всеореховского активиста необходимо вопрос «Когда же вы начнете учиться?» перенести на грамофонные пластинки и разослать по районам Дипромотроизиона».

Можно поручиться, что годичные успехи по организации учебы будут не хуже, чем при исполнении роли грамофонных некоторыми руководящими работниками.

М. Л.

Рис. В. Васильев

Средний

СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ

«Если на клетке слово унылого вывесили, обидно», — и вот так гласил советок» (К. Пустоков).

В одном из районов Татарии организовалась комсомольская ячейка. Через год приехал в ячейку инструктор райкома, чтобы закрепить успехи.

— Мальчики, а мальчики, — обратился он к малпугу, схватившему вершок на палец, — позови сюда комсомольцев.

Вскоре инструктор окружил вагата ретивыми в возрасте от 9 до 11 лет.

Р. с. В. Мадведеля

ПИОНЕРТРА

Гражданин в коротких штанах со щечкой, измазанной манной кашей, выступил вперед.

— Мы и есть комсомольцы, — заявил он.

Изумленный неожиданностью инструктор срочно организовал из комсомольцев пионерский отряд. Он с горечью телеграфировал в район о снижении процента роста.

Примерно на этот же историческом отрезке времени в Сибирянском районе БССР также организовалась комсомольская ячейка. Так же, как и в Татарии, срочно — через год — прибыл туда представитель райкома. В обиходном чепе он привез с собой новые комсомольские билеты. Неожиданная картина представилась его взору. Строй престарелых женщин и стариков надвигался на него, держа в руках комсомольские билеты прежнего образца...

С болью душевной груста о плачевном проценте роста, распустил инструктор ячейку. Есть основания предполагать, что на этот шаг его толкнул один излюбленный вопрос анкеты: «Каков средний возраст членов ячейки?» Увы, здесь был возраст, о котором лучше уж не вспоминать.

Мы скорбим о том, что во-первых не догадались познакомиться друг с другом изначально двух районов. Обедневия ячейки, можно было бы иметь вполне идеальный средний возраст комсомольцев и не ликвидировать ячейку, на организацию которой было затрачено столько самостоятельного труда.

Е. ОХМУРЦЕВ

ПОСЛЕ ПАРАДА

Дело начиналось так:

Розой расцелал парад,

Все сияло безизной,

Душем побеждали зной,

Книг на полках была масса,

И культкомовская касса

Обещалась все отдать...

Одним словом — благодать!

Тут же была культпроп лихо!

Так доклад он начал свой:

— Комсомольцы обещают

Перелом здесь совершить.

Быт, товарищи, решать...

Ура! За комсомольский быт!

Но закончился парад,

В то же воскресенье,

И забыли про барак

Все без исключения.

Пыль, Селедок коврика,

Грязных тряпок реера,

Хламу грязного тора.

На столе по липкой пленке —

Клоп с блохой на черенках.

А. АТЛАС

От грязи и духоты здесь развелась не только блоха и крысы, но и тигры

ПОЗЗЕМБЛЕНЬК

О СТИЛЕ НАШИХ РЕЗОЛЮЦИЙ

Тов. Павлов, секретарь обкома Западной области, чрезмерно распался против бюрократизма, во время своего реча восклицал: — Пора нам перестать писать и резолюциях «предложить», «обязать» и т. н. административные слова.

В связи с этим «Поззембленка» предстанит читателям следующий проект:

Заслушав оду т. Пушкина, бюро обкома обращается к члене колхоза «Красная тропка» со следующим воззванием:

1. Будьте добры выполнять предписания.

2. Поискирские присяги, заверните соросорониче.

3. Не откажите в любезности посылке овиной клин.

4. Наверните на бесполое, но а сила неведомости наточили — им анножжены, как это вы прискорбим, сиять нашего секретера.

ИЗ ДНЕВНИКА УТРЕННЕГО ЗАСЕДАНИЯ

Академик т. Овсянник поднялся на трибуну конференции.

— Товарищи! — смею сказал он.

— Я пришел говорить об учете.

— Как об учете? — крикнул кто-то.

— Опять об обмене билетов; — добавил второй голос, и заговор и учистый начал сматываться из зала.

Академик т. Овсянник спросил за трибуны:

— А знаете ли вы, как у нас поставлен учет?

— Ну, ну, — опять поспешили чей-то голос, — хоть мы и академик, но просим вас без намеков.

И руковоитель делегаций направил свои стопы к выходу.

Вот оно всегда так, — грустно сказал академик. — Как только начнешь говорить с ним об учете, — так и выходи.

— Как об учете, о хозяйственном? — спросил я, Мещочин.

— Да так, об учете, хозяйственном. — А им думали — райкомосрем учете, — на этих словах конференция недоумою влохнула, и утика из зала прекратилась.

«УРА» ЛЕГКОЮ КАВАЛЕРИИ
Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты вью опустил,
Не потряхивай свой дивил.

Не штурмуешь бюрократов,
Будто вьюла глады да тышь,
«Легко!» чнешильсь ногей-то,
А сейчас ты стои спиши!

(Из гена т. А. С. Пустокиа на Московском пленде оне)

ЧУДО-ХИРУРГИЯ

Майр облетело сенсационное известие. Секретарь Казанского крайкома т. Куватов, внезапно почувствовавший привязание к металлу, совершил исключительную по своей смелости операцию.

При напряженном внимании асего зала т. Куватов вернул к жизни четыре карагинских бригады — Клиникова, Ковина, Бургомистрова и Шабалаева, которые полгода уже не существовали.

Перед взором пораженных слушателей эти мертвые бригады встали как живые. По словам т. Куватова вчерта получил пригнетившую телеграмму от важного работника по мертвым душам т. Чичиков.

ЛИКБЕЗ ДЛЯ НАЧИНЮЩИХ БОЖАТЫХ, по сообщению Салатина, открыт в Перми пионерия дошкольного возраста. Прием в ликбезд начат по инициативе Пермского горкома.

На выучку пионеры принимают преимущественно неграмотных божатых. Пионеры перенесеными божатыми и отлага и надеются обучить не только вожатых, но даже работниц горкома.

ВИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В № 13 во вине типографии переплутали краски на титульной странице — за не уследившаяся вала, кинуть таковой редакцией ждасой.

ЗА ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Усиленную поддержку получают лошади совхоза „Новый двор“ (ЦЧО) в период уборочной кампании

Бывший партизан Гордей Шевцова, лучший конюх колхоза им. 1 мая

Кузница помертели „Инициати а“ на колхозном конном рынке. Кузнец подковывает коня, пришедшего с приехавшему на баз-р колхознику

В коммуне „Красная звезда“ УССР секретарь комсомольской ячейки Чумаченко проводит с молодежью беседу об уходе за конем

Старые друзья